Информация для цитирования:

Болдырев В. А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 57–83. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83.

Boldyrev V. A. Iski o priznanii registriruемого dogovora prekrativshimsya i obyazatel'stvennogo prava ot-sutstvuyushhim [Claims for Recognition of a Registered Contract as Terminated and the Right of Obligation as Absent]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 57–83. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83.

УДК 347.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83

ИСКИ О ПРИЗНАНИИ РЕГИСТРИРУЕМОГО ДОГОВОРА ПРЕКРАТИВШИМСЯ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА ОТСУТСТВУЮЩИМ

В. А. Болдырев

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: vabold@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2020

Введение: иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим имеют следующие общие черты: 1) являются установительными, деклараторными; 2) относятся к числу негативных; 3) напрямую не названы в законе; 4) признаются судебной практикой; 5) направлены исключительно на устранение правовой неопределенности. Единство признаков предопределяет необходимость анализа названных типов исков в рамках одной работы. **Цель:** установить причины появления в практике исков о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим. **Методы:** общенаучный (диалектический) метод познания научных концепций частного права; частнонаучные методы познания: формально-юридический, историко-правовой, метод сравнительного правоведения, метод прогнозирования. **Результаты:** переход иска о признании обязательственного права отсутствующим в число способов защиты гражданских прав, прямо называемых в актах официального толкования права, сопряжен с большими рисками. Как только складывающаяся практика окажется зафиксированной в акте толкования, во-первых, весьма вероятно, увеличится количество случаев его использования на практике, а значит, возрастет и возрастает нагрузка на суды, во-вторых, возникнут предпосылки для полной формальной легализации явления, как это уже произошло с признанием договора незаключенным и признанием вещного права отсутствующим. Не будь в российской правовой системе регистрационных действий – не потребовалось бы множества негативных по своей правовой природе исков, признаваемых практикой, в т. ч. и иска о признании регистрируемого договора прекратившимся. Охранительные юридические нормы, призванные регулировать отношения-притязания, имеющие цель обеспечить более стабильное существование регулятивных отношений, часто формализуются в законе, будучи к моменту внесения изменений в закон широко применяемыми на практике.

Ключевые слова: российское право; гражданское право; обязательственное право; негативные иски; иски о признании; иски о присуждении; регистрация права; регистрация сделок; способ защиты; система Торренса

© Болдырев В. А., 2021

Information for citation:

Boldyrev V. A. Iski o priznanii registriruемого dogovora prekrativshimsya i obyazatel'stvennogo prava ot-sutstvuyushhim [Claims for Recognition of a Registered Contract as Terminated and the Right of Obligation as Absent]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 51. Pp. 57–83. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83.

Болдырев В. А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 57–83. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83.

UDC 347.4

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-51-57-83

CLAIMS FOR RECOGNITION OF A REGISTERED CONTRACT AS TERMINATED AND THE RIGHT OF OBLIGATION AS ABSENT

V. A. Boldyrev

Perm State University

E-mail: vabold@mail.ru

Received 10.09.2020

Introduction: claims for recognition of a registered contract as terminated and the right of obligation as absent combine the following features: (1) they are declaratory; (2) belong to the category of negative ones; (3) are not explicitly stated in the law; (4) are recognized by judicial practice; (5) are aimed solely at eliminating legal uncertainty. The unity of features determines the need to analyze these types of claims within a single study. **Purpose:** to establish the reasons for the occurrence in practice of claims for recognition of a registered contract as terminated and the right of obligation as absent. **Methods:** general scientific (dialectical) method of cognition of scientific concepts of private law; special scientific methods of cognition: formal-legal method, historical-legal method, method of comparative legal studies, forecasting. **Results:** the transition of the claim for recognition of the right of obligation as absent to the category of remedies directly referred to in acts of official interpretation of law entails great risks. As soon as the emerging practice is recorded in an act of interpretation, the following will happen. Firstly, the number of cases of its use in practice will be likely to increase, which will entail an increased burden on courts. Secondly, there will appear the prerequisites for the full formal legalization of the phenomenon, as has already happened with the recognition of a contract as not concluded and the recognition of the right to a thing as absent. Should there be no registration actions in the Russian legal system, there would not be so many claims of a negative legal nature recognized by practice, including the claim for the recognition of a registered contract as terminated. Protective legal rules aimed at regulating claim-based relations that have the purpose of ensuring a more stable existence of regulatory relations are often formalized in the law, being widely applied in practice by the time changes are introduced into the law.

Keywords: Russian law; civil law; right of obligation; negative claims; claim for recognition; claim for award; registration of title; registration of transactions; remedy; Torrens system

© Boldyrev V. A. I., 2021

**CLAIMS FOR RECOGNITION OF A REGISTERED CONTRACT AS TERMINATED
AND THE RIGHT OF OBLIGATION AS ABSENT**

V. A. Boldyrev

Perm State University
E-mail: vabold@mail.ru

Received 10.09.2020

Introduction: claims for recognition of a registered contract as terminated and the right of obligation as absent combine the following features: (1) they are declaratory; (2) belong to the category of negative ones; (3) are not explicitly stated in the law; (4) are recognized by judicial practice; (5) are aimed solely at eliminating legal uncertainty. The unity of features determines the need to analyze these types of claims within a single study. **Purpose:** to establish the reasons for the occurrence in practice of claims for recognition of a registered contract as terminated and the right of obligation as absent. **Methods:** general scientific (dialectical) method of cognition of scientific concepts of private law; special scientific methods of cognition: formal-legal method, historical-legal method, method of comparative legal studies, forecasting. **Results:** the transition of the claim for recognition of the right of obligation as absent to the category of remedies directly referred to in acts of official interpretation of law entails great risks. As soon as the emerging practice is recorded in an act of interpretation, the following will happen. Firstly, the number of cases of its use in practice will be likely to increase, which will entail an increased burden on courts. Secondly, there will appear the prerequisites for the full formal legalization of the phenomenon, as has already happened with the recognition of a contract as not concluded and the recognition of the right to a thing as absent. Should there be no registration actions in the Russian legal system, there would not be so many claims of a negative legal nature recognized by practice, including the claim for the recognition of a registered contract as terminated. Protective legal rules aimed at regulating claim-based relations that have the purpose of ensuring a more stable existence of regulatory relations are often formalized in the law, being widely applied in practice by the time changes are introduced into the law.

Keywords: Russian law; civil law; right of obligation; negative claims; claim for recognition; claim for award; registration of title; registration of transactions; remedy; Torrens system

Введение

В числе случаев негативного признания, которое допускает не только судебная практика, но и акты официального толкования, находится такой способ защиты гражданских прав, как признание договора прекратившимся.

Примечательно, что только на исходе срока существования, отпущенного государством Высшему Арбитражному Суду Российской Федерации (ВАС РФ), результатом пленарного заседания названного органа власти стала более или менее стройная система положений о прекращении договорного отношения, зафиксированная в постановлении от 6 июня 2014 г. № 35 «О последствиях расторжения договора»¹. Не ставя вопрос о том, насколько удачно

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 8.

название постановления, поскольку названия неизбежно упрощают смысл официальных документов – не охватывают части освещаемой в документе информации, все же отметим, что интересующее нас разъяснение относится к той ситуации, когда обращение в юрисдикционный орган связано не с реализацией права на одностороннее расторжение договора, а с использованием возможности отказаться от исполнения договора. Отказ от исполнения договора, по замыслу нормотворца, тем и отличается от одностороннего расторжения, что не требует обращения к суду. Однако, когда оценка дается регистрируемому договору, без отправления правосудия в ряде ситуаций не обойтись, если, конечно, сторона, заявившая о прекращении отношения, нацелена на получение результата, который будет отражен

Information in Russian

**ИСКИ О ПРИЗНАНИИ РЕГИСТРИРУЕМОГО ДОГОВОРА ПРЕКРАТИВШИМСЯ
И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА ОТСУТСТВУЮЩИМ**

В. А. Болдырев

Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: vabold@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2020

Введение: иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим имеют следующие общие черты: 1) являются установительными, деклараторными; 2) относятся к числу негативных; 3) напрямую не названы в законе; 4) признаются судебной практикой; 5) направлены исключительно на устранение правовой неопределенности. Единство признаков предопределяет необходимость анализа названных типов исков в рамках одной работы. **Цель:** установить причины появления в практике исков о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим. **Методы:** общенаучный (диалектический) метод познания научных концепций частного права; частнонаучные методы познания: формально-юридический, историко-правовой, метод сравнительного правоведения, метод прогнозирования. **Результаты:** переход иска о признании обязательственного права отсутствующим в число способов защиты гражданских прав, прямо называемых в актах официального толкования права, сопряжен с большими рисками. Как только складывающаяся практика окажется зафиксированной в акте толкования, во-первых, весьма вероятно, увеличится количество случаев его использования на практике, а значит, возрастет и возрастает нагрузка на суды, во-вторых, возникнут предпосылки для полной формальной легализации явления, как это уже произошло с признанием договора незаключенным и признанием вещного права отсутствующим. Не будь в российской правовой системе регистрационных действий – не потребовалось бы множества негативных по своей правовой природе исков, признаваемых практикой, в т. ч. и иска о признании регистрируемого договора прекратившимся. Охранительные юридические нормы, призванные регулировать отношения-притязания, имеющие цель обеспечить более стабильное существование регулятивных отношений, часто формализуются в законе, будучи к моменту внесения изменений в закон широко применяемыми на практике.

Ключевые слова: российское право; гражданское право; обязательственное право; негативные иски; иски о признании; иски о присуждении; регистрация права; регистрация сделок; способ защиты; система Торренса

Introduction

The cases of negative recognition acknowledged not only by judicial practice but also by acts of official interpretation include such a way of civil rights protection as recognition of a contract as terminated.

It is noteworthy that the Supreme Commercial Court of the Russian Federation developed a more or less coherent system of provisions on the termination of contractual relationship only in the waning days of its existence: a plenary session shortly before its dissolution resulted in the Resolution of June 6, 2014 No. 35 ‘On Consequences of Terminating a Contract’ (hereinafter referred to as Resolution)¹. While not asking the question

¹ Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2014. No. 8.

about the suitability of the title of this Resolution (since titles inevitably simplify the meaning of official documents and do not cover some parts of the information specified in them), we should note that the explanation we are interested in refers to the situation when appealing to the jurisdictional authority is not related to the realization of the right to terminate a contract unilaterally but to taking the opportunity to repudiate a contract. According to the idea of the rule-maker, repudiation of a contract differs from unilateral termination of a contract in that it does not require initiating the court proceedings. However, when a registered contract is being evaluated, in a number of situations one cannot avoid administration of justice, provided that the party who claims termination of

в публичном реестре, т. е. будет обладать свойством публичной достоверности.

Разъяснение, отраженное в абзаце 3 пункта 11 постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора», сформулировано следующим образом: «В том случае если односторонний отказ от исполнения договора связан с действиями одной из сторон, например с нарушением, допущенным другой стороной, или иными обстоятельствами, подлежащими проверке, то в орган, зарегистрировавший договор, должны быть представлены заявления обеих сторон договора. В случае отказа другой стороны договора от обращения с указанным заявлением, сторона, заявившая об отказе от исполнения договора, вправе обратиться в суд с иском к другой стороне о признании договора прекратившимся. Решение суда об удовлетворении указанного иска служит основанием для внесения регистрирующим органом соответствующей записи в реестр».

Подчеркнем, что Пленум сформулировал разъяснение, увязав иск только с регистрируемыми договорами. Оно призвано устранить юридическую неопределенность в решении

вопроса о соответствии данных публичного реестра действительному состоянию обязательственного правоотношения. Речь идет о той ситуации, когда в государственном реестре имеется запись, подтверждающая существование договорного обязательственного отношения, при этом само обязательственное отношение отсутствует, точнее, один из участников отношений считает его отсутствующим.

Иск о негативном признании, относящийся к обязательственному отношению, а не его вещным последствиям, получил осторожное признание государства. При этом ремарка о «неокончателности» обусловлена исключительно обходом законодателем данного вопроса.

Если получившие признание в судебной практике иск о признании договора незаключенным и иск о признании права собственности отсутствующим с течением времени были обозначены и в законодательстве [4, с. 70–73, 5, с. 63–64], то относительно возможности признания судом договора прекратившимся, а обязательственного права отсутствующим нормотворец продолжает хранить молчание (табл. 1).

Таблица 1

Негативные иски о признании прав и правоотношений отсутствующими

Тип иска	Судебная практика	Официальное толкование закона	Закон
Иск о признании вещного права отсутствующим	+	+	+
Иск о признании договора прекратившимся	+	+	–
Иск о признании обязательственного права отсутствующим (прекратившимся)	+	–	–

Общей сущностной чертой названных типов негативных исков (доказательства которой представлены в ходе исследования) является стремление истца устранить неопределенность в отношениях со стороной или бывшей стороной договорного отношения, существующую для контрагентов и третьих лиц.

Таким образом, иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим имеют следующие общие черты: 1) являются установительными, деклараторными; 2) относятся к числу негативных; 3) напрямую не названы в законе; 4) признаются судебной практикой;

5) направлены исключительно на устранение правовой неопределенности.

Рецепция законодательством выработанного судами подхода подчинена довольно сложному и гибкому алгоритму, следование которому является преимущественно результатом деятельности системы экономического правосудия (табл. 2). ЗаклЮчить, что рецепция законодательством вырабатываемой практики будет неизбежным итогом наблюдаемых процессов, пока нельзя, но вероятность такого развития правоприменительного и законодательного сюжетов, точнее, перетекания одного в другой, все же существует.

the relation aims to obtain a result that will be enshrined in the public register, that is, will have a property of public credibility.

The explanation given in para. 3 of Clause 11 of the Resolution is as follows: ‘When unilateral repudiation of a contract is caused by the actions of one of the parties, such as a breach committed by the other party, or by other circumstances subject to verification, - both parties must submit their claims to the authority that registered the contract. In the event that the other party refuses to submit the claim, the party who declared repudiation of the contract shall have the right to file a lawsuit against the other party claiming for the contract termination. The court decision on the satisfaction of this claim is the basis for the registration authority to introduce a corresponding entry into the register’.

Let us emphasize that the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation formulated the explanation linking the claim only with registered contracts. The explanation is intended to eliminate legal uncertainty in deciding

whether the data in the public register corresponds to the actual status of the legal relationship of obligation. What is meant is the situation where the state register contains an entry that confirms the existence of a contractual relationship of obligation, while the relationship of obligation itself is absent, or rather, one of the participants in the relationship considers it absent.

The claim for negative recognition that relates to the relationship of obligation but not to its material consequences, has been recognized by the state, but this is a ‘cautious’ recognition. With this, a remark about ‘not being final’ is solely conditioned by the circumvention of this topic by the legislator.

Whereas the claim for recognition of a contract as not concluded and the claim for recognition of property right as absent were established in the legislation over time [4, pp. 70–73, 5, pp. 63–64], the rule-maker continues to remain silent with regard to the possibility of judicial recognition of a contract as terminated and the right of obligations as absent (Table 1).

Table 1. Negative claims for recognition of rights and legal relations as absent

Type of claim	Judicial practice	Official interpretation by law	Law
Claim for recognition of a right to thing as absent	+	+	+
Claim for recognition of a contract as terminated	+	+	–
Claim for recognition of the right of obligation as absent (terminated)	+	–	–

A common essential feature of these types of negative claims (the evidence of which is presented in the course of this study) is the underlying desire of the complainant to eliminate the uncertainty in relations with the party (or former party) to the contractual relationship that exists for counterparties and third parties.

Thus, the claims for recognition of a registered contract as terminated and the right of obligation as absent combine the following features: (1) they are declaratory; (2) belong to the category of negative ones; (3) are not explicitly stated in

the law; (4) are recognized by judicial practice; (5) are aimed solely at eliminating legal uncertainty.

Legislative reception of the approach developed by the courts is conditioned by a rather complex and flexible algorithm, and observation of this algorithm is mainly the result of activity of the economic justice system (Table 2). We cannot yet conclude that the reception by the legislation of the practice being developed will be an inevitable result of the processes observed, but such a scenario appears to be possible.

Таблица 2

Рецепция законодательством правила, выработанного судебной практикой		
№ п/п	Название этапа	Обязательность / факультативность этапа
1	Рассмотрение конкретных дел (судебная практика)	Обязателен
2	Обобщение опыта рассмотрения дел научно-консультативными советами при судах	Факультативен
3	Обобщение опыта рассмотрения дел в официальных обзорах	Факультативен
4	Принятие акта официального толкования закона	Факультативен
5	Введение формально новой нормы в закон	Обязателен

Определение судом применимых способов защиты гражданских прав

Обсуждение вопроса о круге и выборе допустимых способов защиты гражданских прав лицами, жалующимися на их нарушение, мы вынуждены начать с обращения к тексту другого акта официального толкования права, принятого на пленарном заседании Верховного Суда Российской Федерации вскоре после упразднения ВАС РФ.

Преемственность традиций подготовки документов подобного рода, в т. ч. по способу консолидации отдельных правил в поименованные документы и механизму выработки необходимых для практики разъяснений, по нашим наблюдениям, оказалась не такой высокой, как следовало бы ожидать для цивилистической области. Свидетельством сказанного является подход к кругу способов защиты гражданских прав.

В абзаце 1 пункта 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержится следующее указание: «Статьей 12 ГК РФ предусмотрен перечень способов защиты гражданских прав. Иные способы защиты гражданских прав могут быть установлены законом»¹.

Логичным развитием данного положения, которое, на наш взгляд, могло бы содержаться далее, является утверждение, согласно которому не допускается применения судами способов защиты гражданских прав, не предусмотренных законом. Однако данного, сле-

дующего из сформулированного правила, и ожидаемого утверждения мы не видим. Нет и указания на то, что подзаконными актами установленный законодателем круг способов защиты гражданских прав расширен быть не может.

Подход к толкованию закона, при котором мысль законодателя фактически не получает никакого развития, вызывает недоумение. В некоторых случаях повторение нормы закона в тексте официального акта толкования само по себе может быть интерпретацией, но только если соответствующее правило интегрировано в определенный контекст, например находится в рубрике, позволяющей уточнить смысл воспроизведенного правила. Такой способ смыслового наполнения тезиса не прослеживается в разбираемом случае.

Недосказанность в акте официального толкования порождает версии у исследователя, а практике позволяет заложить в нормы закона о способах защиты права ровно тот смысл, который сообразен обстоятельствам разрешаемого спора или целям конкретных правоприменителей (к сожалению, не всегда согласующимися с законом). В такой интерпретации «каучуковые» нормы, и особенно норма статьи 12 ГК РФ о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, приобретают желаемое по обстоятельствам дела значение. Тем самым целесообразность оказывается выше формализма и формальной законности. Решением, позволяющим преодолеть проблему замкнутости перечня способов защиты гражданских прав, оказывается возможность широкой интерпретации его отдельных способов.

Кстати, рассмотрение иска о признании права или обременения отсутствующим в качестве разновидности иска о защите права, не связанного с утратой владения, базирующегося на норме статьи 304 ГК РФ, т. е. негаторного

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

Table 2. Reception by legislation of a rule developed by judicial practice

No.	Phase	Compulsoriness/ optionality of the phase
1	Consideration of specific cases (judicial practice)	Compulsory
2	Consolidation of the experience of case consideration by scientific advisory councils at courts	Optional
3	Consolidation the experience of case consideration in official reviews	Optional
4	Adoption of an act of official interpretation of the law	Optional
5	Introduction of the formally new rule into the law	Compulsory

Identification by the Court of the Applicable Ways of Civil Rights Protection

We have to start the discussion on the range and selection of the acceptable ways of protecting civil rights of persons complaining of their infringement with a reference to the wording of another act of official interpretation of law, adopted at the plenary session of the Supreme Court of the Russian Federation shortly after the abolition of the Supreme Commercial Court.

The continuance of traditions of preparing documents of the kind, including the method of consolidating individual rules into the documents named in the law and the mechanism of preparing explanations necessary for the practice, turned out to be not as significant as one would expect for the sphere of civil law. The evidence of this is the approach to the range of ways of civil rights protection.

The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 ‘On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation’ (para. 1 of Clause 9) contains the following statement: ‘Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation establishes a list of ways of protection of civil rights. Other ways of protecting civil rights may be established by law’¹.

In our opinion it would be logical to continue this provision with the statement that it is not allowed for the courts to apply ways of civil rights protection that are not provided for by law. However, we do not see such a statement. Neither do we see any indication that the range of ways to

¹ Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

protect civil rights established by the legislator cannot be extended by by-laws.

Such an approach to interpreting the law when the idea of the legislator does not receive any further development appears to be puzzling. In some cases, the repetition of a rule of law in the text of an official act of interpretation may itself be an interpretation, but only if the relevant rule is placed in a certain context, for example, in a section that allows one to clarify the meaning of the reproduced rule. This method of filling a thesis with particular sense is not traced in the case under consideration.

Lack of clarity in an act of official interpretation makes researchers generate their own versions and allows practitioners to fill the provisions of law concerning the ways of rights protection with the meaning that is consistent with the circumstances of the dispute being settled or the objectives of particular law enforcers (this meaning, unfortunately, being not always compliant with the law). In such interpretation, delphic norms, and especially the norm of Article 12 of the Civil Code of the Russia Federation (hereinafter referred to as RF Civil Code) about the restoration of state of affairs that existed before the violation of rights, receive the meaning desired under the circumstances of a particular case. Thus, expediency prevails over formalism and formal legality. The solution, which helps overcome the problem of limitedness of the list of ways of civil rights protection, is broadly interpretation of individual ways.

Consideration of a claim for recognition of the right or encumbrance as absent as a type of the claim for protecting a right not related to the loss of possession under Article 304 of the RF Civil Code (i.e. a negative claim) partly corresponds to

иска, отчасти соответствует данному тренду правоприменения, хотя и не считается нами правильным.

Дальнейшее развитие мысли разработчиков постановления Пленума от круга способов защиты к оценке их применимости на различных этапах гражданского (арбитражного) процесса можно назвать в целом закономерным, хотя и не совсем удачным: «Если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения.... На стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора».

Думается, что фактически разработчиками акта имелось в виду несколько иное: при принятии к производству искового заявления, в котором содержатся требования, относительно возможности удовлетворения которых имеются явные сомнения, причем вне зависимости от оценки представленных доказательств, суду следует установить позицию сторон, касающуюся соответствия избранного истцом способа защиты характеру декларируемого нарушения, и обстоятельствам, на которых истец основывает свои требования, а также нормативным установлениям закона. По нашим наблюдениям, именно так и поступает суд, когда на его разрешение поступает дело, в рамках которого рассматриваются «необычные» требования и даже требования, нетипичные для данных обстоятельств и нарушений.

Дальнейший ход мысли соответствует древнему принципу *jura novit curia* (лат. «суд знает право»): «По смыслу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования».

Однако и здесь оказывается пропущенной, точнее, недосказанной мысль, что суд может применить соответствующий закону способ защиты права, который фактически имел в виду истец, если он использовал формулировки, буквально не соответствующие закону, но не оставляющие сомнения в направленности воли лица, обратившегося к суду. Иными словами, мысль о возможности несоответствия содержания резолютивной части судебного акта т. н. «просительной» части искового заявления осталась в уме.

Впрочем, соответствующее суждение не является редкостью в правоприменительных актах, о чем свидетельствует использование судами оборота «истцом фактически заявлено требование о...». Юрисдикционные органы пользуются данным оборотом, разрешая дела самых различных категорий и давая оценку именно требованиям, а не обстоятельствам, на которых они базируются, например как фактическим требованиям о признании отсутствующим права собственности¹, понуждении к исполнению обязательств по договору поставки в натуре² и даже о расторжении договора³.

Ввиду сказанного неизбежен вывод о допускаемой судами возможности «адаптации» требований истца к установлениям закона, т. е. свободного и правильного, с позиции суда, изложения в резолютивной части судебного акта сути требования истца без выхода за количественные его показатели.

Позитивный иск (о признании обязательственного права существующим)

Рассмотрение проблемы признания регистрируемого договора прекратившимся следует начать с вопроса более общего плана – о принципиальной возможности удовлетворения позитивных и негативных исков о признании обязательственного права.

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.11.2018 № Ф01-4810/2018 по делу № А79-5103/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.08.2019 № Ф04-3310/2019 по делу № А45-36903/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.07.2019 № Ф08-5863/2019 по делу № А32-30670/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

this trend of law enforcement, although we do not consider it to be wrong.

The developers of the Resolution further proceed from the range of protection ways to the evaluation of their applicability at various stages of civil (commercial) process. The train of thought appears to be rather logical, although not entirely successful: 'In the event that the court, when taking the claim for consideration, comes to a conclusion that the way of protection selected by the complainant cannot ensure restoration of the right, this fact shall not be the cause for refusal to accept the claim for consideration, returning it or leaving it without action.... At the stage of preparing the case for trial, the court brings up the question of legal qualification for discussion in order to determine which rules of law are to be applied in settling the dispute'.

It seems that the authors of the act had actually something different in mind: when accepting a claim for consideration, in the event that this claim contains demands that cause doubts as to the possibility of satisfying them, which is regardless of the evaluation of the evidence, the court should identify the positions of the parties on compliance of the protection method selected by the complainant with the character of the declared violation and with the circumstances from which the complainant proceeds with his/her demands, and also with the regulations of law. As our observations show, this is exactly what a court does when a case is submitted for consideration in which 'unusual' demands and even demands being uncommon for such circumstances and violations are reviewed.

The further flow of thought corresponds to the ancient principle *jura novit curia* (Lat. 'the court knows the law'): 'By implication of Part 1 of Article 196 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation or Part 1 of Article 168 of the Code of Commercial Procedure, the court determines which rules of law are to be applied to the established facts. The court also indicates the reasons why it did not apply the rules of law referred to by the parties participating in the case. In this regard, the complainant's reference in his/her claim to the rules of law which that are not applicable to his/her case does not itself make any ground for rejection of the claim'.

However, an idea which is again omitted, or rather, unfinished here is that the court may apply the way of the right protection which complies with the law and which was actually meant by the complainant, provided that he/she used a wording, though not literally copying the text of the law, left no doubt about the intention of the party who applied to the court. In other words, the idea of the possible non-compliance between the content of the operative part of the judicial act with the so-called 'petitionary' part of the claim remained unsaid though kept in mind.

Such a perception is not uncommon in law enforcement acts, as evidenced by the use of the phrase 'the complainant actually filed a claim on...' by the courts. Jurisdictional authorities use this wording when resolving cases of various categories while assessing particularly the demands but not the circumstances they result from, for example, actual demand to recognize the property right as absent¹, to enforce fulfilment of the obligations under a contract of delivery in kind², and even to terminate a contract³.

In view of the above, it is logical to conclude the courts allow for a possibility of 'adapting' a complainant's demands to the requirements of law, that is, a free and correct (as viewed from the position of the court) description of the essence of the complainant's demands in the operative part of the judicial act without going beyond the quantitative parameters.

Positive Claim (for Recognition of the Right of Obligation as Existing)

Discussion of the problem of recognizing a registered contract as terminated should be started with a more general question covering the very possibility of satisfying positive and negative claims for recognizing the right of obligation.

¹ Ruling of the Commercial Court of the Volga-Vyatka Circuit No. F01-4810/2018 in case No. A79-5103/2017 of November 9, 2018. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² Ruling of the Commercial Court of the West-Siberian Circuit No. F04-3310/2019 in case No. A45-36903/2018 of August 27, 2019. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

³ Ruling of the Commercial Court of the North Caucasus Circuit No. F08-5863/2019 in case No. A32-30670/2018 of July 16, 2019. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

Статья 12 ГК РФ первым в способах защиты гражданских прав называет признание прав, не дифференцируя их на вещные [20] и обязательственные. Отсюда, казалось бы, должно следовать, что никаких препятствий для признания судом обязательственного права и констатации его существования в резолютивной части решения нет. Однако, на наш взгляд, это не совсем так.

Прежде всего, не стоит забывать, о существовании такого типа натуральных, т. е. не обеспеченных исковой защитой [2, с. 61], обязательств, как обязательств с истекшим сроком исковой давности. Их добровольное исполнение не запрещается законом и не рождает обязательства кредитора вернуть полученное за пределами срока исковой давности. Тем не менее, учитывая, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 ГК РФ), полагаем, что существование права, основанного на натуральном обязательстве, не может быть подтверждено судебным актом – его резолютивной частью.

Согласно статье 2 ГПК РФ, задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел **в целях защиты** нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Поскольку целью гражданского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав, а по истечении срока исковой давности защита права не допускается, следует, что вынесение решения о признании любого (обязательственного или вещного) права с истекшим сроком исковой давности законодателем не допускается.

Иски о взыскании, в т. ч. иски о присуждении к исполнению обязанности в натуре, могут быть удовлетворены, когда срок исполнения обязательства наступил, т. е. когда право кредитора на получение уже не зависит от истечения того или иного периода времени либо наступления определенного события.

Само по себе отсутствие оснований для удовлетворения иска о присуждении еще не говорит об отсутствии субъективного права

кредитора как такового и о невозможности его констатации, фиксации, т. е. признания в резолютивной части судебного акта.

В пункте 1 статьи 307 ГК РФ приведено не прямое определение обязательства: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

Таким образом, существование у кредитора права требовать исполнения обязательства (обязанности) неоспоримо следует из легального определения. Соответствующее обязанности субъективное право может быть защищено в случае его оспаривания должным лицом (должником). Поскольку целью гражданского процесса является защита не только нарушенных прав, но и прав оспариваемых, вывод о возможности удовлетворения иска о признании обязательственного права соответствует содержанию процессуального законодательства. Отказ в защите оспариваемого субъективного права до момента его нарушения со ссылкой на то, что нарушение является делом будущего, неминуемо влечет расширение круга предпосылок для посягательств на охраняемые законом интересы.

Фиксация факта существования субъективного права особенно важна в свете существования возможности уступить это право. Понятно, что в условиях, когда должник оспаривает сам факт существования обязательства, ценность уступаемого требования будет ниже ввиду очевидности рисков, связанных с исполнением обязательства.

Вместе с тем к решению вопроса о признании обязательственного права отсутствующим К. И. Скловский подходит отрицательно: «...Предусмотренный ст. 12 ГК иск о признании права едва ли может применяться и для защиты прав обязательственных: ведь если срок исполнения обязательства еще не наступил, то признание права лишено интереса, так как право не нарушено, а если наступил, то следует предъявлять иск об исполнении. Например, анализ практики предъявления дольщиками ис-

The first way of protecting civil rights listed in Article 12 of the RF Civil Code is recognition of the right, with no differentiation between rights to things [20] and rights of obligation. It may seem this means there are no obstacles to recognizing the right of obligation in court and to declaring its existence in the operative part of the resolution. However, in our opinion, this is not quite the case.

First of all, one should not forget about the existence of such a type of natural obligations, i.e. obligations not secured by protection in claim proceedings [2, p. 61], as obligations with an expired period of limitation of action. Their voluntary fulfillment is not prohibited by law and does not entail an obligation of the creditor to return everything received after the expiration of the period of limitation. Nevertheless, given that the period of limitation is a period for protecting the right to claim of the person whose right was infringed (Article 195 of the RF Civil Code), we believe that the existence of a right resulting from a natural obligation cannot be confirmed by a judicial act (in its operative part).

According to Article 2 of the RF Civil Procedure Code, the tasks of civil proceedings are the correct and timely consideration and settlement of civil cases **for the purpose of protecting** the violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of citizens, organizations, rights and interests of the Russian Federation, constituent territories of the Russian Federation, municipalities, and other persons being the parties to civil, labor or other legal relations.

Since the purpose of civil proceedings is to protect violated or disputed rights, and since after the expiration of the period of limitation the protection of the right is not allowed, it should be concluded that delivering a judgement on the recognition of any right (a right to thing or a right of obligation) with an expired period of limitation is not allowed by the legislator.

Claims for recovery, including claims for awarding to perform a duty in kind, can be satisfied when the deadline for the obligation performance has passed, that is, when the creditor's right to receive no longer depends on the expiration of a certain period of time or the occurrence of a certain event.

The absence of grounds for satisfying the claim for award does not intrinsically mean that the right of the creditor does not really exist and that it

is impossible to declare it, to document it, i.e. to recognize it in the operative part of the judicial act.

Para. 1 of Article 307 the RF Civil Code gives an indirect definition of the obligation: 'By force of an obligation, one person (the debtor) shall be obliged to perform in favor of another person (the creditor) a certain action, such as: to transfer the property, to perform a job, to make a contribution to joint activities, to pay the money, etc., or to abstain from a certain action, while the creditor shall have the right to demand performance of the obligation by the debtor'.

Thus, the existence of the creditor's right to demand the performance of an obligation (a duty) indisputably follows from the legal definition. The right corresponding to the obligation may be protected if it is challenged by the obliged person (the debtor). Since the purpose of the civil procedure is to protect not only the violated rights but also the disputed rights, the conclusion about the possibility of satisfying the claim for recognition of the right of obligation corresponds to the content of the procedural legislation. The refusal to protect the disputed right until the moment of its violation, with the reference to the fact that the violation is a matter of the future, would inevitably entail extension of the range of grounds for encroachments upon the interests protected by law.

Record of the fact of the existence of the right is especially important in the light of the existing possibility to assign this right. It is clear that in conditions where the debtor disputes the very existence of the obligation, the value of the assigned claim will be lower due to the obvious risks associated with the performance of the obligation.

At the same time, the question of recognizing the right of obligation as absent is negatively approached by K. I. Sklovskiy: '... The claim for recognition of a right established in Article 12 of the RF Civil Code can hardly be applied to the protection of the rights of obligation since, when the deadline for the obligation performance has not passed yet, the recognition of the right implies no interest as the law is not broken, and when the deadline has passed, one should claim for the obligation performance. For example, an analysis of the practice of filing claims by homebuyers for

ков о признании права из договора долевого участия (обязательственного) показывает трудности при обосновании права на иск» [15].

Автор, делая приведенный вывод, ссылается на работу С. Давидяна и А. Юдина, давших краткий и в целом негативный анализ практики судов, связанной с защитой прав обманутых дольщиков [8]. При этом названные исследователи не только не распространяют сделанные выводы на обязательственные отношения иных видов, но и отсылают читателя к статье 12 ГК РФ, где одним из способов защиты гражданских прав названо признание права, подчеркивая: «Закон не оговаривает, что может выступить объектом такого признания – право, имущество, обязательства и проч. Никаких ограничений в отношении признания права требования доли нормы права не содержат» [8].

Правоприменительную практику, связанную с признанием обязательственного права (существующим), нам найти не удалось.

Удалось обнаружить, когда суд пришел к выводу о необходимости удовлетворить требование истца о признании права залога на недвижимое имущество, несмотря на то что запись в публичном реестре прямо свидетельствовала о наличии у него такого права, как у залогодержателя¹. Объясняется вынесенное решение тем, что залогодатель оспаривал зарегистрированное право и препятствовал его осуществлению. Стоит заметить, что само право залога на недвижимость обладает всеми свойствами ограниченного вещного права и весьма вероятно будет названо таковым в законе рано или поздно².

Таким образом, доказательствами практической востребованности иска о признании обязательственного права (существующим) в России мы не располагаем.

А. С. Старовойтова отмечает, что «в ст. 256 ГПК ФРГ законодатель допускает предъявление иска не только об установлении наличия правоотношения, но и об его отсутствии» [17, с. 81], и оставляет без сколько-либо серьезного развития то, что норма находится в процессу-

альном законодательстве. А данное обстоятельство имеет значение, поскольку нормы международного частного права, а точнее, коллизионного права, предусматривают применение российскими судами материально-правовых норм иностранных юрисдикций.

Достаточно вспомнить, что в силу пункта 1 статьи 1186 ГК РФ право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в т. ч. в случаях когда объект гражданских прав находится за границей, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации.

Понятно, что речь идет о применении норм материального права, регулирующего отношения между участниками гражданского оборота, а не процессуального права, регламентирующего деятельность суда. Поэтому, на первый взгляд, опереться на норму Гражданского процессуального кодекса ФРГ про иск о наличии или отсутствии правоотношения российский суд не может. Однако само по себе нахождение нормы в структуре иностранного процессуального закона еще не должно категорично свидетельствовать о процессуальной природе этой нормы. В российской правовой системе нормы о защите прав, а значит, и о способах защиты следует оценивать как правила материального права. Доводом теоретического порядка в пользу такого вывода может служить то, что выбор способа защиты гражданских прав осуществляется истцом, а оценка его адекватности допущенному нарушению – судом. Отношения между участниками судопроизводства и судом они не регулируют.

Довод сугубо нормативного, легального характера – локализация норм о защите прав, в т. ч. и способах защиты в структуре материального закона, прежде всего статьи 12 ГК РФ, – в данном случае имеет второстепенное значение.

Дополнительным подтверждением сказанного (но применительно к вещным правам) является содержание нормы статьи 1205 ГК РФ, где установлено, что право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где

recognition of the right following from the equity participation agreement (the right of obligation) shows difficulties in justifying the right to claim' [15].

The author, making the above conclusion, refers to the work of S. Davidyan and A. Yudin, who gave a brief and generally negative analysis of the practice of courts related to the protection of the rights of defrauded homebuyers [8]. The above experts not only do not extend their findings to obligations of other types but refer the reader to Article 12 of the RF Civil Code, where recognition of a right is specified as one of the ways of civil rights protection, and highlight that 'The law does not specify what particularly can be an object of such recognition – the right, property, obligations, etc. The legal norms do not contain any restrictions on the recognition of the right to claim a share' [8].

We could not find any law enforcement practice related to the recognition of the right of obligation (as existing).

However, we chanced to find a lawsuit when the court concluded it was necessary to satisfy the plaintiff's claim for recognition of the right for pledge imposed on immovable property despite the fact that the entry in the public register directly indicated that, being a pledge holder, he did have such a right¹. The decision is explained by the fact that the pledge giver contested the registered right and interfered with its implementation. It is worth noting that the right for pledge imposed on immovable property itself has all the properties of a limited right to thing and is very likely to be called such by law sooner or later².

Thus, we do not have any evidence of the practical relevance of the claim for recognition of the right of obligation (as existing) in Russia.

S. Starovoitova notes that 'in Article 256 of the FRG Civil Procedure Code, the legislator allows filing a claim not only for confirming the existence of a relationship but also for its absence' [17, p. 81], and leaves the fact that the rule is com-

prised in procedural law without much serious conceptualization. Meanwhile, this circumstance is important, since the norms of international private law, or rather, collision law, provide for the application of substantive legal norms of foreign jurisdictions by the Russian courts.

It is useful to remember that by virtue of para. 1 of Article 1186 of the RF Civil Code, the right applicable to civil relations involving foreign citizens or foreign legal entities, or applicable to civil relations complicated by some other foreign element, including in cases where the object of civil rights stays abroad, is determined on the basis of international treaties of the Russian Federation, by the RF Civil Code, by other laws and customs recognized in the Russian Federation.

It is clear that we are speaking about the application of the norms of substantive law regulating relations between participants in civil turnover but not procedural law regulating the activities of the court. Therefore, at first glance, the Russian court cannot rely on the norm of the FRG Civil Procedure Code covering the claim about the presence/absence of a legal relationship. However, a simple inclusion of the norm into the structure of a foreign procedural law should not categorically prove the procedural nature of this norm. In the Russian legal system, the norms on the protection of rights, and therefore on the ways of protection, should be evaluated as the rules of substantive law. A theoretical argument in favor of such a conclusion may be that the way of the civil rights protection is chosen by the complainant, while the evaluation of its appropriateness as applied to the committed violation is conducted by the court. They do not regulate the relations between the participants in the proceedings and the court.

Such an argument as localization of rules on the protection of rights (including on the ways of protection) in substantial law, being an argument of a purely regulatory, legal nature, is of secondary importance in this case.

An additional proof of the above (but in relation to rights to things) is the content of the rule of Article 1205 of the RF Civil Code which establishes that the right of ownership and other rights to immovable and movable property are established by the law of the country where this property is located. The legislator unveils the scope of appli-

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 02.07.2014 по делу № А29-7605/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Пункт 2.3 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

¹ Ruling of the Federal Commercial Court of the Volga-Vyatka Circuit in case No. A29-7605/2013 of July 2, 2014. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² Item 2.3 of the Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation approved by the Presidential Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation of the Russian Federation of October 7, 2009. *Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation*. 2009. No. 11.

это имущество находится. Законодатель раскрывает сферы применения данного правила в следующей статье кодифицированного закона: если иное не предусмотрено ГК РФ, правом, подлежащим применению к вещным правам, определяется и защита вещных прав. Понятно, что защита вещных прав – это, прежде всего, набор доступных способов защиты, т. е. круг способов защиты вещного права относится к сфере материального права.

Если говорить о защите вещных прав, связанных с владением недвижимостью, становится очевидным, что вероятность попадания данного спора на рассмотрение российского суда минимальна в силу обычного стремления любого законодателя установить правило об исключительной подсудности спора о недвижимости (ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, ч. 1 ст. 38 АПК РФ). Такие споры рассматриваются по месту нахождения объектов прав. Однако если на рассмотрение российского суда попадет иной иск с требованием о применении такого способа защиты, который нетипичен для российской правовой системы, отказать в его удовлетворении, указав исключительно на его неприемлемость по нормам российского материального закона, оснований нет.

Негативный иск (о признании обязательственных прав отсутствующими)

На сегодняшний день довольно обширна практика негативной констатации – признания обязательственных прав отсутствующими. Весьма любопытной является история рассмотрения дела по требованию «о признании не подлежащими исполнению обязательств, вытекающих из акта о неучтенном потреблении электрической энергии». Анализируя позицию, высказанную в судебных актах, суд кассационной инстанции особое место посвятил опровержению заблуждений в толковании закона, заострив внимание на одном из аргументов, положенных первой инстанцией в основу отказа в удовлетворении требований: «... Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истцом выбран ненадлежащий способ защиты права, поскольку акт о неучтенном потреблении не затрагивает права и законные интересы истца в сфере экономической деятельности, а может являться доказательством при подаче

иска обществом “БГЭС” о взыскании с истца задолженности по оплате безучетно потребленной энергии или иска о понуждении его к совершении каких-либо действий»¹. Далее юрисдикционный орган помещает иск о признании обязательственного права отсутствующим в установленную систему способов защиты гражданских прав: «Суд кассационной инстанции находит ошибочным вывод суда первой инстанции о выборе истцом ненадлежащего способа защиты права. ... Требование об оспаривании акта о неучтенном потреблении электрической энергии, по общему правилу, подлежит рассмотрению по существу и может быть квалифицировано по способу защиты как иск о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (абзац третий статьи 12 ГК РФ), равно как иск о признании договорного правоотношения существующим в определенном виде (абзац второй статьи 12 ГК РФ)».

В поле зрения Верховного Суда Российской Федерации попал удовлетворенный иск о «признании отсутствующей задолженности по договору энергоснабжения»². Названный юрисдикционный орган не нашел в судебных актах изъятий, позволяющих передать кассационную жалобу для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам.

В судах общей юрисдикции удовлетворяются иски о признании отсутствующей задолженности по договорам энергоснабжения³ и договорам об оказании «жилищно-коммунальных услуг»⁴.

Данный подход является осмысленным не только судебским, но и научным сообществом,

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.03.2019 № Ф04-3602/2018 по делу № А03-17252/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». См. также: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.03.2017 № Ф04-6759/2016 по делу № А03-7114/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 30.10.2017 № 304-ЭС17-15967 по делу № А03-4479/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 по делу № 88-449/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2019 № 88-20/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

cation of this rule in the following article of the codified law: unless otherwise provided for by the RF Civil Code, the law which is to be applied to rights to things shall also determine the protection of rights to things. It is clear that the protection of rights to things is, first of all, a set of available ways of protection, i.e. the range of ways to protect rights to things refers to the sphere of substantive law.

With regard to the protection of rights to things associated with owning immovables, it becomes obvious that the probability of this dispute being brought to consideration by a Russian court is minimum because of a simple desire of any legislator to impose the rule of exclusive jurisdiction of an immovable-related dispute (Part 1 of Article 30 of the RF Civil Procedure Code, Part 1 of Article 38 of the RF Administrative Procedure Code). Such disputes are considered at the location of the objects of rights. However, if a Russian court receives a different claim with a demand to apply such a way of protection that is not typical for the Russian legal system, there are no grounds to reject it solely because of its inadmissibility as per the norms of Russian substantive law.

Negative Claim (for Recognition of the Right of Obligation as Absent)

To date, there is a fairly extensive practice of negative statement – recognition of the right of obligation as absent. A rather interesting case was connected with a demand ‘to recognize the obligations arising from the act on unaccounted consumption of electric energy as unenforceable’. Analyzing the position presented in the judicial acts, the court of cassation paid special attention to disproving errors in the interpretation of the law, focusing on one of the arguments put by the first instance court as the basis for refusing to satisfy the claim: ‘...The court of the first instance concluded that the complainant had chosen an improper way of protecting the right since the act on unaccounted consumption of electric energy did not affect the rights and legitimate interests of the complainant in the field of economic activity, but may serve as an evidence when filing a claim

by the BGES company to recover the debt from the complainant in payment for unaccounted energy consumed or a claim for forcing the complainant to perform specific actions»¹. Thereafter, the jurisdictional body places the claim about the recognition of the right of obligation as absent into the established system of the ways of civil rights protection: ‘The court of cassation finds the conclusion of the court of the first instance on the complainant’s choosing the improper way of the right protection to be incorrect. ... According to the general rule, the claim for contesting the act on unaccounted consumption of electric energy is subject to consideration on the merits and, as per the way of the right protection, may be qualified as a claim on the suppression of acts that infringe a right or pose a risk of its infringement (para. 3 of Article 12 of the RF Civil Code), or a claim for recognizing the contractual relationship as existing in a certain form (para. two of Article 12 of the RF Civil Code)’.

The satisfied claim ‘for recognition of the debt under a power supply contract as absent’² came to the attention of the Supreme Court of the Russian Federation. The jurisdictional body did not find any flaws in the judicial acts that would have allowed to submit a cassation appeal for consideration in a court session of the Judicial Chamber on Economic Disputes.

The courts of general jurisdiction satisfy claims for recognizing a debt under power supply contracts³ and under contracts for the provision of housing and utility services⁴.

This approach has been conceptualized not only by the judicial but also by the scientific

¹ Ruling of the Commercial Court of the West-Siberian Circuit No. F04-3602/2018 in case No. A03-17252/2017 of March 5, 2019. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’. See also: Ruling of the Commercial Court of the West-Siberian Circuit No. F04-6759/2016 in case No. A03-7114/2016 of March 27, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

² Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES17-15967 in case No. A03-4479/2016 of October 30, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

³ Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in case No. 88-449/2020 of January 16, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁴ Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction No. 88-20/2019 of November 25, 2019. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

что следует из его одобрения научно-консультативным советом Арбитражного суда Западно-Сибирского округа¹.

Иски о признании права отсутствующим имеют место не только в делах об энергоснабжении, где абоненты, являясь слабой стороной спора, стремятся получить официальный вердикт, подтверждающий их правоту, не дожидаясь открытых ограничительных действий от сильной стороны спора – энергоснабжающей организации, но и в спорах о задолженности по арендной плате. Здесь требования о признании права отсутствующим также исходят от слабой стороны договорного отношения – арендатора.

Попытки арендаторов прибегнуть к искам о признании отсутствующей задолженности по арендной плате, т. е. о признании отсутствующим обязательственного права арендодателя, встречаются нередко. По нашим наблюдениям, они, как правило, являются встречными исками по отношению к искам о взыскании арендной платы². Однако говорить, что эти встреченные иски удовлетворяются постоянно или даже часто, пока не приходится.

Существуют прецеденты удовлетворения исков о признании отсутствующим права требования по лизинговым платежам, т. е. применительно к договору финансовой аренды³.

Следует отличать ситуации признания права отсутствующим в условиях, когда само договорное отношение (факт его возникновения) не оспаривается и когда сделка, расцениваемая как основание возникновения отношения, ставится под сомнение. Так, определением арбитражного суда признано недействительным дополнительное соглашение к договору аренды движимого имущества и применены

последствия недействительности сделки в виде признания отсутствующей задолженности из дополнительного соглашения⁴. Этом случае следует понимать, что речь идет не о признании отсутствующим права в рамках существующего договорного правоотношения, а о признании недействительным самого договора, из которого должно было возникнуть это отношение.

«Возможность заявления иска о признании задолженности отсутствующей соответствует требованиям статьи 12 ГК РФ, в соответствии с которой защита гражданских прав осуществляется путем пресечения действий, создающих угрозу нарушения прав, а также путем признания права и прекращения правоотношения, – пишет А. Р. Султанов. – Признание задолженности отсутствующей вносит правовую определенность в отношения сторон и может устранить пребывание под угрозой возможности предъявления требования задолженности при ее отсутствии и избавиться от “статуса должника”. Для реализации некоторых гражданских прав наличие задолженности может быть препятствием» [18, с. 227].

Нельзя назвать редкостью удовлетворение исков о признании отсутствующей задолженности по кредитным договорам⁵. Любопытно, что оно может быть сопряжено с возложением обязанности направить достоверную информацию в бюро кредитных историй⁶. Применительно к кредитным обязательствам можно прогнозировать расширение этой практики. «Вполне возможно, что суды будут удовлетворять иски заемщиков – физических лиц к банкам о реструктуризации, освобождении от неустоек и штрафов и признании задолженности, отсутствующей не только по ипотечным кредитам, но и по обычным потребительским займам» – делает прогноз о последствиях пандемии COVID-19 для сферы кредитования Ю. Севастьянова, [14, с. 10].

¹ Рекомендации Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа «По вопросам рассмотрения споров, связанных с применением законодательства об энергоснабжении», принятые по итогам заседания, состоявшегося 3 июня 2016 года в г. Горно-Алтайск [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определения Верховного Суда РФ: от 07.08.2020 № 308-ЭС20-10159 по делу № А32-51392/2018; от 29.08.2019 № 308-ЭС19-15708 по делу № А32-20717/2017; от 29.10.2018 № 307-ЭС18-15171 по делу № А26-1977/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2020 № 88-4058/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.09.2020 № Ф04-414/2020 по делу № А03-11058/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2020 № 88-8885/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2020 № 88-2115/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

community, as follows from its approval by the Scientific Advisory Council of the Commercial Court of the West Siberian Circuit¹.

Claims for recognition of a right as absent can be observed not only in power supply cases, where consumers, being a weaker party to the dispute, seek to receive an official verdict confirming their rightness prior to open restrictive actions by the stronger party to the dispute – the power supply organization, but also in disputes about rent arrears. Here, demands to recognize the right as absent also come from the weaker party to the contractual relationship – from the lessee.

Lessees' attempts to file claims for recognizing rent arrears as absent, that is, for recognizing the lessor's right of obligation as absent, are not uncommon. Our observations show that they are usually counterclaims in relation to claims for rent recovery². However, it would be wrong to say so far that these counterclaims are satisfied constantly or at least often.

There are precedents of satisfying claims for recognizing the absence of rights for lease payments, that is, related to a financial lease agreement³.

It is necessary to distinguish between situations of recognizing a right as absent in the conditions when the contractual relationship itself (the fact of its occurrence) is not disputed and when the transaction regarded as the basis for the relationship occurrence is questioned. For example, the ruling of a commercial court invalidated the addi-

tional agreement to the movable property lease agreement and reversed the transaction in the form of recognizing the debt from the additional agreement as absent⁴. In this case, it should be understood that what is meant is not recognition of the right as absent under the existing contractual relationship, but recognition of the contract which this relation was supposed to arise from as void.

‘The possibility of filing a claim for recognizing a debt as absent meets the requirements of Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation which runs that the protection of civil rights is exercised by suppressing actions that pose a risk of violation of rights, as well as by recognizing the right and terminating the legal relationship, - writes A. R. Sultanov. – Recognition of a debt as absent brings legal certainty to the relations of the parties and can eliminate the risk of possible claims for the debt recovery in the absence of the debt, can help shake off the ‘debtor status’. The presence of a debt can be an obstacle for enjoyment of some civil rights’ [18, p. 227].

It would be wrong to say that claims for recognizing a debt under a credit contract as absent, are rarely satisfied⁵. Interestingly, this satisfaction can be linked to an obligation to send true information to credit bureaus⁶. With regard to credit obligations, it is possible to expect the extension of this practice. ‘It is quite possible that the courts will satisfy claims of borrowers-natural persons against banks for restructuring, exemption from penalties and fines, and recognition of debt as absent with regard to not only mortgage loans but also ordinary consumer loans’ – this is a forecast of Yu. Sevastyanova about the consequences of the COVID-19 pandemic for the crediting sector [14, p. 10].

¹ Recommendations of the Scientific Advisory Council of the Commercial Court of the West Siberian Circuit ‘On consideration of disputes related to the application of legislation on energy supply’, adopted following the meeting held on June 3, 2016 in the town of Gorno-Altaysk. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

² Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES20-10159 in case No. A32-51392/2018 of August 7, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES19-15708 in case No. A32-20717/2017 of August 29, 2019. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES18-15171 in case No. A26-1977/2017 of October 29, 2018. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

³ Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction No.88-4058/2020 of March 10, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁴ Ruling of the Commercial Court of the West Siberian Circuit No. F04-414/2020 in case No. A03-11058/2018 of September 18, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁵ Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction No. 88-8885/2020 of July 6, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

⁶ Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction No. 88-2115/2020 of January 29, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

Иск о признании права отсутствующим может иметь своим мотивом даже не стремление доказать и зафиксировать погашение задолженности по договору, а разобраться в вопросе о наличии или отсутствии таковой. «В ситуации, когда заемщик, получивший кредитную карту, не располагает точной информацией о размере своего долга, а банк ему ее не дает, не раскрывая всей информации, надлежащим способом защиты права будет подача иска о признании кредитной задолженности отсутствующей и кредитного договора исполненным. В рамках такого дела банк в своих возражениях будет обязан раскрыть информацию о размере долга заемщика, что позволит ему погасить сумму долга и проценты за пользование ею, а в части остальных сумм добиваться их снижения», – отмечает А. И. Бычков [7].

Таким образом, удовлетворение судами требований о признании отсутствующими (исполненными) обязательственных прав – это состоявшийся факт, относительно которого требуются научные обобщения.

Обобщения практики признания обязательственных прав отсутствующими

Что объединяет приведенные выше случаи, когда суды признают право истца отсутствующим? В чем общие черты статуса арендатора (в договоре аренды), абонента (в договоре энергоснабжения), заемщика (в кредитном договоре), а также общность правовой ситуации, которая приводит названных лиц в суд с требованиями о признании обязательственного права отсутствующим?

Все эти участники гражданского оборота могут быть охарактеризованы как слабые стороны договорного отношения, и все эти отношения являются длящимися.

Почти два десятилетия назад в диссертации М. С. Карпова на защиту было вынесено следующее положение: «Предусмотренное в законе или соглашении сторон право энергоснабжающей организации на прекращение или ограничение отпуска электроэнергии абоненту при нарушении договора энергоснабжения является разновидностью мер оперативного воздействия, поскольку подобные действия неразрывно связаны с неисполнением одной из сторон (абонентом) условий договора и имеют очевидный правоохранительный характер, а их

осуществление влечет за собой изменение прав и обязанностей сторон в рамках соответствующего договорного обязательства» [9, с. 8].

Тот же автор в комментарии к судебной практике задается вопросом: «К какому способу защиты гражданских прав относится реализация предусмотренного в договоре права арендодателя на прекращение отпуска электроэнергии арендатору в связи с нарушением последним договора аренды?» [10, с. 62]. И далее он отвечает на поставленный вопрос: «...Подобные действия арендодателя не только создают проблемы для арендатора на бытовом уровне, но и служат основанием для прекращения прав и обязанностей сторон в рамках договора энергоснабжения. Все это, наряду с односторонним характером применяемых мер, позволяет рассматривать такие действия как один из примеров реализации предусмотренных договором мер оперативного воздействия» [10, с. 63].

Автором приводилось собственное определение мер оперативного воздействия – это «предусмотренные в законе или соглашении сторон меры юридического воздействия на неисправного должника в договорном обязательстве, применение которых заключается в совершении управомоченным лицом односторонних действий по изменению или прекращению договорного обязательства в связи с нарушением обязанностей со стороны контрагента» [9, с. 8]. «При этом, – добавлял соискатель ученой степени, – термин “меры оперативного воздействия” в наибольшей степени отражает специфические особенности данных мер, поскольку посредством этого термина подчеркиваются внесудебный (оперативный) характер их применения и различия в природе рассматриваемых мер и мер ответственности» [9, с. 8].

Не вступая в полемику относительно самого определения, кажущегося нам не совсем точным, отметим, что указание на внесудебный порядок применения мер оперативного воздействия в действительности является ключевым. Перед нами ситуация, когда процедура применения правовой меры, а точнее, ее минимизация или полное отсутствие определяет суть самой меры. Возможность, не втягиваясь в юридические споры, не тратя времени, не производя существенных затрат, добиться положительного эффекта в виде исполнения обязанности контр-

The claim for recognition of a right as absent may be motivated not even by the desire to prove and document the payment of the debt under the contract, but by the desire to understand whether such debt is present or absent. ‘In a situation when a borrower who has received a credit card, has no accurate information about the size of his/her debt, and the bank does not provide it to him/her and does not deliver full information, the proper way of the right protection is filing a claim for recognition of the credit debt as absent and the credit agreement as executed. In such a case, the bank in its objections will be obliged to disclose information about the amount of the borrower’s debt, which will allow him/her to pay the amount of debt and the interest for using it and to seek for the reduction of the remaining amounts,’ – notes A. I. Bychkov [7].

Thus, the satisfaction by the courts of claims for recognition of rights of obligation as absent (fulfilled) is an established fact, which requires scientific analysis.

Analysis of the Practice of Recognizing the Right of Obligation as Absent

What is common about the above cases where the courts recognize the complainant’s right as absent? What are the common features of the status of the lessor (in the lease agreement), the consumer (in the power supply agreement), the borrower (in the loan agreement) and the commonness of the legal situation that brings these persons to court with claims for recognition of the right of obligation as absent?

All of these civil turnover participants can be characterized as weaker parties to the contractual relationship and all of these relationships are continuing. But the main point lies deeper.

Almost two decades ago, the following statement was proposed for defense by M. S. Karpov in his thesis: ‘The right of the power supplying organization (provided for in law or by the agreement between the parties) to terminate or restrict the supply of electricity to the consumer in case the power supply contract is breached is a type of operative enforcement measures since such actions are inseparably linked to the failure of one party (the consumer) to comply with the contractual

terms and are of an obvious right-protecting nature, and their implementation entails the change in rights and duties of the parties under a certain contractual obligation’ [9, p. 8].

While commenting on judicial practice, the same author poses a question: ‘What way of the civil rights protection is the implementation of the contractually provided lessor’s right to stop the supply of electrical power to the lessee due to the breach of the lease agreement by the latter?’ [10, p. 62]. He further answers the raised question: ‘...Such actions of the lessor not only create problems for the lessee’s housekeeping routine, but also serve as a basis for termination of the rights and obligations of the parties under the power supply contract. All this, along with the unilateral nature of the applied measures, makes it possible to consider such actions as one of the examples of implementing the contractual measures of operative enforcement’ [10, p. 63].

The author gave his own definition of operative enforcement measures: these are ‘measures of legal influence on a faulty debtor in a contractual obligation provided for in the law or an agreement of the parties, the application of which involves the performance of unilateral actions by an authorized person aimed at changing or terminating the contractual obligation due to a breach of obligations by the counterparty’ [9, p. 8]. ‘At the same time, – M. S. Karpov added, – definition ‘operative enforcement measures’ mostly reflects the specific features of these measures, as this definition emphasizes the non-judicial (operative) nature of their application and the differences in the nature of the discussed measures and the measures of liability’ [9, p. 8].

Without entering into polemics about the definition itself, which we find not quite accurate, let us note that the reference to the non-judicial procedure of applying the operative enforcement measures is in fact the key point. We see a situation where the procedure for the application of a legal measure or, more precisely, its minimization or complete absence, determines the essence of the measure itself. The possibility to achieve a positive effect in the form of the obligation being performed by the counterparty, while not becoming involved in legal disputes, not wasting time and

агентом оказывается очень действенным средством в обеспечении договорной дисциплины.

Существует множество способов не дать арендатору использовать имущество, когда он не платит арендную плату, не прибегая ни к физическому насилию, ни к собственно юридическим процедурам. Это обстоятельство делает статус арендатора близким к статусу абонента в договоре энергоснабжения: в обоих случаях достаточно воспользоваться условным «выключателем», лишив хозяйствующего субъекта возможности пользоваться коммуникациями.

В чем общие черты, вернее, общие слабые позиции абонента и арендатора, дающие повод для манипуляций со стороны их контрагентов, мы установили. Теперь следует понять, в чем их схожесть с заемщиком в кредитном отношении. Наш ответ такой: банк или другая кредитная организация имеет аналогичные средства отключения заемщика, но от коммуникаций иного рода – экономических. Заключается эта возможность в информировании бюро кредитных историй о задолженности, при наличии которой заемщик, не имеющий фактической задолженности, не будет иметь реальной возможности получить кредит у другого банка, когда ему это потребуется. Следовательно, кредитная организация имеет организационную возможность недобросовестно управлять поведением контрагента, погасившего кредитную задолженность, путем предоставления недостоверных сведений об этом контрагенте (его задолженности) в бюро кредитных историй, располагая также и формальной обязанностью коммуницировать с этими бюро в силу прямого указания закона¹.

Анализ практики признания обязательственного права отсутствующим позволяет заключить, что слабая сторона договорного отношения обращается к данному иску, а суды считают его приемлемым, когда: а) договорные отношения с участием истца носят или носили длящийся характер; б) контрагент истца имеет юридическую и фактическую возможность затруднить коммуникацию истца (принадлежащих ему объектов) с иными участниками гражданского оборота (принадлежащими им объектами) за счет применения мер оперативного воздействия или обмена информацией.

¹ О кредитных историях: Федер. закон от 30 дек. 2004 г. № 218-ФЗ. Ст. 5 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 44.

Удовлетворение исков о признании обязательственного права отсутствующим является реакцией на правовую неопределенность, могущую привести к убыткам или иным негативным последствиям действий ответчика.

Складывающаяся ситуация довольно ограниченного круга случаев, когда иски заявляются и удовлетворяются, обусловлена действием ряда факторов: во-первых, отсутствием прямого указания в законе на возможность признать право (в т. ч. и обязательственное) отсутствующим; во-вторых, предсказуемой возможностью увеличения числа споров, инициируемых в ситуациях, когда нарушение права в будущем в отношении мнимого должника носит вероятностный характер; в-третьих, сложностью доказывания обстоятельств отрицательного характера.

Первый фактор прост для краткого изложения: когда закон содержит весьма общие формулировки, как это, например, имеет место в статье 12 ГК РФ (содержащей перечень способов защиты гражданских прав, часть из которых могут быть понимаемы сколько угодно широко), – вопрос о применимости хотя и находится в поле судебного усмотрения, но само наличие этого усмотрения делает примененный способ уязвимым в глазах вышестоящих судебных инстанций.

Суть второго фактора сводится к следующему. Любые выводы о событиях будущего носят вероятностный характер. Когда в основу иска положено не утверждение о состоявшемся нарушении субъективного права, а предположение истца, пусть обоснованное, базирующееся на поведении контрагента или даже его письменных заверениях, сделать вывод, что нарушение произойдет в будущем, все же означает предположить недобросовестное или незаконное поведения ответчика. При этом для ответчика такое предположение чревато вполне реальным имущественным последствием – в виде возложения обязанности возместить судебные издержки. Именно поэтому, на наш взгляд, суду целесообразно выяснять при предъявлении исков не просто вопрос об отсутствии субъективных обязательственных прав в отношении истца, но и реальную возможность для ответчика нарушить права фактическими действиями. Глубина погружения в выяснение этого обстоятельства может быть разной и за-

not producing significant costs, is a very effective tool in ensuring contractual discipline.

There are many ways to prevent a lessee from using the property in case he/she does not pay rent, without either resorting to physical violence or initiating legal procedures. This circumstance makes the status of the lessee close to the status of the consumer in a power supply contract: in both cases it is enough to use a symbolic ‘switch’, depriving the economic entity of the opportunity to use the utilities.

We have established the common characteristics or, more precisely, the common weaknesses inherent in the consumer and the lessee, which give reason for manipulation on the part of their counterparties. Now it is necessary to understand what they have in common with the borrower in crediting. Our answer to this question is as follows: a bank or another credit institution has similar means of cutting the borrower off ‘utilities’, but ‘utilities’ of a different kind – economic ones. What we mean here is that a bank can inform credit bureaus of a debt, and consequently the borrower who has no active debt will not have a real opportunity to receive a loan from another bank when he/she needs it. Therefore, a credit institution has an organizational opportunity of bad-faith management of the conduct of the counterparty who has already paid the credit debt by sending false information about this counterparty (his/her debt) to credit bureaus, while having also a formal obligation to communicate with these bureaus by virtue of direct instructions of the law¹.

An analysis of the practice of recognizing the right of obligation as absent allows for a conclusion that the weaker party to a contractual relationship chooses to file this kind of claim, and the courts consider it acceptable when: (a) the contractual relationship with the participation of the complainant is or was of a continuing nature; (b) the counterparty of the complainant has a legal and actual opportunity to hinder the communication of the complainant (the objects belonging to him/her) with other participants in civil turnover (the objects belonging to them) by applying operational measures or exchanging information.

¹ See Article 5 of the Federal Law No. 218-FZ ‘On Credit Histories’ of December 30, 2004. *Collection of Legislative Acts of the Russian Federation*. 2005. No. 1 (Pt. 1). Art. 44.

Satisfaction of claims for recognition of the right of obligation as absent is a reaction to legal uncertainty, which can lead to losses or other negative consequences of the defendant’s actions.

The current situation characterized by a rather limited range of cases when claims are filed and satisfied may be explained by several factors: first, the absence of explicit reference in law to the possibility to recognize the right (including the right of obligation) as absent; second, a predictable possibility that there will increase the number of disputes initiated in situations where a future violation of rights in respect of an imaginary debtor is probabilistic in nature; third, the difficulty in proving circumstances of a negative nature.

The first factor is simple to put it in a brief way: when the law contains very general formulations – as is the case with Article 12 of the RF Civil Code (which contains a list of ways of the civil rights protection, some of which can be understood as widely as possible) – although the question of applicability is subject to judicial discretion, the very presence of this discretion makes the applied way vulnerable in the opinion of higher courts.

The essence of the second argument is as follows. Any conclusions about future events are probabilistic in nature. When a claim is based not on a statement of infringement of a right that has in fact occurred, but on an assumption of the complainant, even if justified and following from the behavior of the counterparty or even based on his/her written assurances, making a conclusion that the infringement will occur in the future means assuming unfair or illegal behavior of the defendant. At the same time, for the defendant such an assumption may entail a quite tangible property consequence – imposition of the obligation to reimburse the court costs. That is why, in our opinion, when receiving claims, it would be practical that the court clarifies not just the question of the absence of the right of obligation in relation to the complainant, but also the real possibility for the defendant to infringe the rights by real actions. How deeply to delve into the clarification of this circumstance can be different and can depend on

висеть от поведения сторон процесса. Как видится, будет не лишним установить наличие технической возможности ограничить подачу тепловой энергии в условиях, когда прекращение подачи неизбежно повлечет отключение и иных абонентов. Равным образом в спорах о существовании задолженности по арендной плате целесообразно понять, возможно ли ограничение в части пользования имуществом со стороны арендодателя, особенно когда арендатор полностью распоряжается им и принимает меры к его физической защите.

Наконец, третий фактор связан со сложностью признания отрицательных фактов – фактов того, что какое-либо обстоятельство не существует. В спорах о наличии или отсутствии задолженности по арендной плате и плате за снабжение энергией устанавливается, заплатил или нет истец денежные средства за период, когда получал выгоду от поведения ответчика. Однако истец в качестве основания для заявления иска может ссылаться и на то обстоятельство, что арендуемое имущество в этот период было непригодно для использования или подача энергии не осуществлялась в определенный, довольно продолжительный по времени период либо энергия была ненадлежащего качества. Понятно, что свидетельства, поддающиеся реальной оценке на предмет достоверности (инструментальные наблюдения, показания очевидцев, видеозаписи) почти всегда относятся к конкретному моменту времени и месту. Остальной период суд вынужден оценивать, экстраполируя или интерполируя результаты, относящиеся к определенной точке времени, на весь период или его значительную часть. В конечном счете сделанные выводы являются не более чем допущениями.

Переход иска о признании обязательственного права отсутствующим в разряд способов защиты гражданских прав, прямо называемых в актах официального толкования права, сопряжен с большими рисками. Как только складывающаяся практика окажется зафиксированной в содержании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, во-первых, весьма вероятно, увеличится количество случаев его использования на практике, а значит, возрастет нагрузка на суды, во-вторых, возникнут предпосылки для полной формальной легализации явления, как это уже

произошло с признанием договора незаключенным и признанием вещного права отсутствующим. Один шаг в юриспруденции очень часто влечет за собой другой.

Признание права и правоотношения: проблема тождества исков

Вопрос о тождестве иска о признании права и правоотношения попал на разрешение одного из апелляционных судов, который в тексте вынесенного акта привел позицию истца, не согласного с решением суда первой инстанции: «Признание права как способ защиты, предусмотренный статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяется как к вещным, так и обязательственным правам, однако суд посчитал невозможным такой способ защиты права, в связи с тем, что не представлена ссылка на закон, предусматривающий такой способ защиты, как признание обязательства действующим».

Сказать, что на поставленный апеллянтом вопрос юрисдикционный орган ответил, нельзя, хотя в тексте судебного акта присутствует попытка издали подойти к решению вопроса:

«Признание права как способа защиты гражданских прав прямо предусмотрено абзацем 2 статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации».

В силу статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации выбор способа защиты является прерогативой истца, если только такой выбор не определяется спецификой нарушенного права и характером нарушения.

Истец просит суд признать договор аренды № 5523 от 20.10.2000, заключенный между департаментом недвижимости города Красноярск и обществом с ограниченной ответственностью Производственно-коммерческая фирма «Торговый дом “Евроэкспо” действующим.

Вместе с тем, обстоятельства, установленные при рассмотрении настоящего дела, свидетельствуют об отсутствии оснований для признания указанного договора действующим»¹.

Из приведенного фрагмента постановления следует, что суд принципиально допускает

¹ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30.01.2013 по делу № А33-11532/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

the behavior of the parties to the proceedings. As we see it, it would be useful to identify the technical possibility to limit the supply of caloric power in conditions when the power cut will result in cutting other consumers off. Similarly, in disputes about rent arrears, it would be practical to understand whether the limitations on the lessor's use of the property are possible, especially when the lessee has total ascendancy over it and takes measures to physically protect it.

Finally, the third reason for the skeptical attitude to claims for recognition of the right as absent, as already mentioned, is associated with the complexity of recognizing negative facts – the facts of non-existence of a circumstance. In disputes on the existence/absence of rent arrears and arrears in payments for power supply, the question is investigated of whether or not the complainant has paid money for a certain period during which he benefited from the defendant's behavior. However, a complainant may also indicate such a ground for his/her claim as the fact that the leased property was not suitable for use during this period, or that power supply was not provided for a certain rather long period of time, or that the power was of inadequate quality. It is clear that an evidence that can be really evaluated for reliability (instrumental observations, eyewitness testimony, video recordings) almost always relate to a specific time and place. For the rest of the period, the court has to make evaluation by extrapolating or interpolating the results related to a certain time point, to the entire period or a significant part of it. Ultimately, the conclusions drawn are nothing more than assumptions.

The transition of the claim for recognition of the right of obligations as absent to the range of the civil rights protection ways directly referred to in the acts of official interpretation of law, entails great risks. As soon as practice become recorded in a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the following is going to happen. Firstly, Firstly, the number of cases of its use in practice will be likely to increase, which will entail an increased burden on courts. Secondly, there will appear the prerequisites for the full formal legalization of the phenomenon, as has already happened with the recognition of a contract

as not concluded and the recognition of the right to a thing as absent. It is fairly common in jurisprudence that one step inevitably entails another.

Recognition of a Right and of a Legal Relationship: Problem of Identity of the Claims

The question of identity of the claim for recognition of a right and a relationship came to the attention of one of the courts of appeal. In the text of its decision the court provided the position of the complainant who disagreed with the decision of the court of first instance: 'Recognition of a right as a way of protection provided for by Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation applies both to rights to things and rights of obligation, but the court found this way of the right protection inapplicable since there was not provided a reference to the law establishing such a way of protection as recognition of an obligation as effective'.

It would be wrong to state the jurisdictional body did answer the question raised by the appellant, although the text of the judicial decision contains an attempt to approach the issue in a roundabout way:

'Recognition of a right as a way of the civil rights protection is expressly provided for in para. 2 of Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation.

By virtue of Article 49 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation, the choice of the way of protection is the prerogative of the complainant, unless such choice is determined by the specifics of the infringed right and the nature of the infringement.

The complainant asks the court to recognize lease agreement No. 5523 of 20.10.2000 concluded between the Department of Property of the city of Krasnoyarsk and the Production and Commercial Firm *Torgovi Dom Evroekspo* LLC as remaining in force.

At the same time, the circumstances established during the consideration of the case indicate that there are no grounds for recognizing the above agreement as remaining in force»¹.

From the given fragment of the decision, it follows that the court in principle allows for

¹ Ruling of the Third Commercial Appeal Court in case No. A33-11532/2012 of January 30, 2013. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

возможность признания договора действующим и лишь с учетом совокупности установленных в ходе рассмотрения дела фактов не видит оснований применить соответствующий способ защиты. Бросается в глаза переход от констатации вытекающей из закона возможности признания субъективного гражданского права – к указанию на необходимость выбора адекватного способа защиты права истцом (уже без указания на рамки, очерченные законом), а далее – к непрямому, молчаливому одобрению такого способа защиты права, как признание договора действующим.

Неожиданные переходы в рассуждениях от признания субъективного гражданского права к признанию правоотношения просматриваются не только в судебных актах, но и в доктринальных исследованиях. Например, А. С. Старовойтова предлагает «иск о признании обязательственного права определить следующим образом: это требование, предъявляемое в целях устранения неопределенности в материально-правовом положении истца о подтверждении наличия или отсутствия обязательственного правоотношения, когда между истцом и ответчиком существуют разногласия или противоречия по поводу его существования» [17, с. 81].

Заметим, что автор, давая дефиницию иска о признании обязательственного права, говорит, что это требование о подтверждении наличия или отсутствия обязательственного правоотношения. Данный подход вызывает возражение сразу по двум причинам.

Во-первых, поскольку содержанием обязательственного отношения являются субъективные гражданские права и обязанности, то, признавая некое обязательственное право истца, суд действительно констатирует наличие обязательственного отношения, но вывод касается только части такого отношения.

Во-вторых, констатация наличия и констатация отсутствия обязательственного отношения – диаметрально отличающиеся решения судебного органа, отождествление которых учеными базируется скорее на общности формулировок требований (в обоих случаях стороны требуют «признания»), нежели на сути этих требований.

Большая часть договоров являются синаллагматическими, т. е. создающими взаимные обязательства для его сторон [13, с. 363]. В со-

держании мотивировочной части судебного акта может делаться вывод, что обязанность истца уже выполнена или, наоборот, еще не выполнена. В решении может и вовсе отсутствовать заключение об исполнении или неисполнении обязательств истцом, если только исполнение обязательств по условиям ответчика не являются встречным, т. е. не обусловлено действиями истца (п. 1 ст. 328 ГК РФ). В любом случае суд не только не должен, но порой даже не может полностью описать содержание обязательственного отношения в тексте выносимого акта.

Думается, что вывод суда о наличии у истца, являвшегося ранее стороной регулятивного гражданского отношения, права требовать от другой стороны ранее заключенного договора совершения неких действий может быть обусловлен тем обстоятельством, что на смену регулятивным отношениям контрагентов пришли отношения охранительные (отношения-притязания). В этой ситуации регулятивные отношения между участниками договора прекратились: ненадлежащее исполнение или неисполнение обязательства стало основанием для перехода правовых связей в иную фазу, связанную с применением экономических санкций или мер защиты.

А. С. Старовойтова указывает: «Предметом иска о признании обязательственного правоотношения является подтверждение наличия или отсутствия такого правоотношения, но не конкретного субъективного обязательственного права (права требования)» [17, с. 81]. Исследователь отделяет изучаемую категорию требований от исков о присуждении: «...Иски о признании обязательственного правоотношения могут предъявляться, только если они имеют самостоятельное значение, т.е. юридический интерес истца заключается исключительно в подтверждении правоотношения, независимо от осуществления права истца на исполнение чего-либо со стороны ответчика» [17, с. 82].

Возможность не только предъявления (поставить на разрешение суда можно почти любое требование), но и удовлетворения требования «о признании правоотношения» вызывает сомнения как с учетом буквального содержания норм закона, умалчивающего о исках данного рода, так и по соображениям теоретического порядка, а также исходя из здравого смысла.

the possibility of recognizing the contract as remaining in force, but does not see any grounds to apply the relevant way of protection taking into account the set of the facts established during the consideration of the case. What catches the eye is the transition from the statement of the possibility of the right recognition resulting from the law – to the idea about the need of the complainant to choose the appropriate way to protect the right (this time, with no reference to the limitations outlined by the law), and then – to indirect, tacit approval of such a way of protection as recognition of the agreement as remaining in force.

The sudden transitions from recognition of the civil right to recognition of the legal relationship can be found not only in judicial decisions but also in doctrinal studies. For example, A. S. Starovoitova proposes 'to define the claim about recognition of the right of obligation as follows: it is a claim, filed for eliminating uncertainty in the material and legal status of the complainant, about confirming the presence or absence of an obligational relationship between the complainant and the defendant in case there is a disagreement or conflict between them about its existence' [17, p. 81].

Let us note that the author, giving the definition of the claim for recognition of the right of obligation, says that this claim refers to the confirmation of presence or absence of an obligational relationship. This approach provokes objections for two reasons.

Firstly, since the content of the obligational relationship comprises civil rights and obligations, then, by recognizing an obligational right of the complainant, the court indeed acknowledges the presence of an obligational relationship, but the conclusion only applies to a part of such a relationship.

Secondly, since the acknowledgement of the presence and the acknowledgement of the absence of an obligational relationship are diametrically different decisions of a judicial body, their identification by scientists is based on the common wording of the requirements (in both cases, the parties demand 'recognition') rather than on the essence of these requirements.

Most of the contracts are synallagmatic, that is, they create mutual obligations for the parties thereto [13, p. 363]. The analytical part of a judi-

cial act may conclude that the complainant's obligation has already been performed or, on the contrary, has not been performed yet. The decision may not even contain a conclusion on the performance or non-performance of the obligation by the complainant, unless the performance of the prescribed obligation by the defendant is reciprocal, that is, is not conditioned by the actions of the complainant (para. 1 of Article 328 of the RF Civil Code). In any case, the court not only should not, but in some cases cannot fully describe the content of the obligational relationship in the text of the delivered act.

It seems that the conclusion of the court that the complainant, who was previously a party to a regulatory civil relationship, has the right to demand that the other party to the previously concluded contract perform certain actions may be conditioned by the fact that the regulatory relations of the counterparties were replaced by protective relations (claim-based relations). In this situation, the regulatory relations between the parties to the contract were discontinued: improper performance or non-performance of the obligation became the basis for the transition of legal relations to a different phase associated with the application of economic sanctions or protective measures.

A. S. Starovoitova notes: 'The subject of a claim for recognition of an obligational legal relationship is confirmation of the existence or absence of such a legal relationship but not of a specific right of obligation (right of claim)' [17, p. 81]. The researcher differentiates the category of claims under study from claims for award: '...Claims for recognition of an obligational legal relationship can be submitted only provided that they have an independent significance, i.e. the legal interest of the complainant consists solely in confirming the legal relationship, regardless of the complainant's exercise of the right to have something performed by the defendant' [17, p. 82].

The possibility of not only filing (as almost any claim can be submitted for the consideration by the court), but also satisfaction of the claim 'to recognize a legal relationship' is questionable in view of the literal content of the rules of law, which keeps silence about the claims of the kind, in view of theoretical reasons and also proceeding

Действительно, обязательственное правоотношение может существовать только с определенным содержательным наполнением, т. е. с указанием и обязанностей его сторон. Полностью перечислить их в резолютивной части решения в большинстве случаев просто невозможно. Более того, данное перечисление лишено какого бы то ни было смысла, поскольку гражданский (арбитражный) процесс имеет целью защиту нарушенных или оспариваемых прав. Зачем перечислять все права и обязанности, если нарушено только одно право и не исполнена одна обязанность?

Совсем другое дело с исками о признании обязательственных, точнее, договорных отношений отсутствующими. Констатируя прекращение договора, суд подводит итог, делает вывод, что правоотношения регулятивного характера между контрагентами отсутствуют. Охранительного правоотношения между сторонами договора в такой ситуации также не должно быть – все обязанности фактического характера ими должны быть исполнены должным образом, например имущество, переданное по договору аренды, возвращено собственнику (арендодателю). Обязанности юридического характера (подписать соглашение о прекращении договора или обратиться в регистрирующий орган с заявлением о прекращении договора), если договор прекращен по воле одной стороны (в силу одностороннего отказа от исполнения обязательства), в законе напрямую не отражены.

**«Обстоятельства, подлежащие проверке»
в делах о признании регистрируемых
договоров прекратившимися**

Согласно постановлению Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора», если односторонний отказ от исполнения договора связан с «обстоятельствами, подлежащими проверке, то в орган, зарегистрировавший договор, должны быть представлены заявления обеих сторон договора». Данная правовая норма основана на принципе процедурной экономии, указывает на необходимость минимизации количества судебных споров.

Буквальное содержание материального или процедурного закона, регулирующего отношения по поводу регистрации прав, к такому выводу не приводит, однако разъяснения могут

стимулировать лицо, договорные отношения с которым прекращены по односторонней инициативе другого субъекта, к обращению в орган, осуществляющий государственную регистрацию, с заявлением.

Впрочем, нормы процессуального характера далеко не всегда позволяют обратиться на ответчика нести судебные расходы. Пунктом 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»¹ установлено: «Не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например, исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 23 Семейного кодекса Российской Федерации)».

Если судом установлено, что на ответчика договором не возлагалась обязанность обратиться с заявлением в орган государственной регистрации, а обращение с иском о признании договора прекратившимся являлось лишь способом устранения неопределенности в том, продолжает ли договорное отношение существование, то, по нашему мнению, компенсация судебных расходов истцу невозможна.

Если по окончании договора одна из сторон не исполнила обязанности, следующей за прекращением договорного отношения, фактического характера, например вернуть вещь, второй стороне следует прибегнуть к иску об обязанности вернуть имущество (иску о присуждении), используя формулу «прошу истребовать имущество». Заявление в этой ситуации требований о признании договора прекратившимся, на наш взгляд, лишено смысла. Орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ним, в случае истребования имущества у стороны регистрируемого договора по мотиву прекращения его действия должен внести запись на основании решения данного решения о присуждении.

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 4.

from the common sense. It is true that an obligatory legal relationship can exist only with a certain substantive content, that is, with the rights and obligations of its parties. In most cases, it is simply impossible to list them in full in the operative part of the decision. Moreover, this listing does not have any sense since the civil (commercial) process is aimed at protecting infringed or disputed rights. Why listing all the rights and obligations if only one right is infringed and one obligation is not fulfilled?

It is quite a different case with claims for recognition of obligatory, to be more precise – contractual, relations as absent. Stating the termination of a contract, the court draws a conclusion that there are no legal relations of a regulatory nature between the counterparties. There should also be no protective legal relationship between the parties to the contract in such a situation – all the actual obligations must be performed properly, for example, the property that was transferred under a lease agreement shall be returned to the owner (lessor). Obligations of a legal nature (signing an agreement on the contract termination, applying to the registration authority with a contract termination notice) in case it is terminated upon the will of one party only (due to unilateral refusal to fulfill the obligation) are not directly specified in law.

**‘Circumstances Subject to Verification’ in
Cases on the Recognition of Registered
Contracts as Terminated**

According to the Resolution of the Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court ‘On Consequences of Terminating a Contract’, if a unilateral refusal to perform a contract is caused by ‘circumstances subject to verification, then petitions from both parties to the contract must be submitted to the body that registered the contract’. This legal rule is based on the principle of procedural economy, it proceeds from the need to minimize the number of legal disputes.

The literal content of the substantive or procedural law regulating relations regarding the registration of rights does not lead to such a conclusion, however, clarifications may encourage a person whose contractual relations have been termi-

nated through unilateral initiative of another person to file an application to the state registration authority.

However, norms of a procedural nature do not always make it possible to impose the burden of court expenses on the defendant. Clause 19 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 21, 2016 No. 1 ‘On Some Issues of the Application of Legislation on Compensation for Costs Associated with the Consideration of the Case by the Court’¹ establishes as follows: ‘The costs incurred in connection with the consideration of claims the satisfaction of which is not conditioned by establishment of facts of violation or challenging of the complainant’s rights by the defendant, administrative defendant (for example, petitions for divorce, given the mutual consent of both spouses who have common children of minority age) shall not be spread between the persons participating in the case’ (Clause 1 of Article 23 of the RF Family Code).

If the court finds that the defendant was not obliged by the contract to file an application to the state registration authority, and his/her filing a claim for recognition of the contract as terminated was only a way to eliminate uncertainty about whether the contractual relationship continues to exist, then, in our opinion, compensating the court expenses to the complainant is not possible.

In the event that upon expiration of the contract one of the parties has not fulfilled the obligation of an actual nature that is supposed to follow the termination of the contractual relationship (for example, the obligation to return a thing), the other party should file a claim to compel to return the property (a claim for award), using formula ‘I ask for the property requisition’. In this situation, it appears senseless to demand recognition of the contract as terminated. In the case of the property requisition from a party of a registered contract by reason of the contract termination, the body carrying out state registration of rights to real estate and transactions with it must make an entry based on the above decision of the award.

¹ Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 4.

Абзац 2 пункта 11 постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора» содержит следующие разъяснения: «Если договором предусмотрено право стороны немотивированно отказаться от его исполнения, сторона, воспользовавшаяся этим правом, вправе в одностороннем порядке обратиться в орган, зарегистрировавший договор, с заявлением о внесении в реестр записи о прекращении договора, представив доказательства уведомления другой стороны о состоявшемся отказе от исполнения договора (статья 165.1 ГК РФ)».

Небрежно сформулированное в акте официального толкования указание на применение к порядку одностороннего отказа от исполнения договора норм о юридически значимых сообщениях обычно так же некритически воспроизводятся исследователями [12, с. 8].

Комментируя данное высшим органом экономического правосудия толкование к пункту о возможности признания регистрируемого договора прекратившимся, С. А. Соменков справедливо дифференцирует основания одностороннего отказа как повод к иску о признании договора прекратившимся. «В случае, когда допускается немотивированный отказ от исполнения договора, сторона, воспользовавшаяся этим правом, вправе в одностороннем порядке обратиться в орган, зарегистрировавший договор, с заявлением о внесении в реестр записи о прекращении договора. Уведомление другой стороны о состоявшемся отказе от исполнения договора является юридически значимым сообщением (ст. 165.1 ГК), и отказавшаяся сторона должна представить в указанный орган доказательства такого уведомления» [16, с. 90].

Позиция С. А. Соменкова не оставляет сомнения: юридически значимым сообщением он считает уведомление одной стороной договора об отказе от исполнения договора, направленное в адрес другой стороны. Однако текст постановления Пленума не исключает оценки самого заявления в регистрирующий орган о состоявшемся уведомлении как юридически значимого сообщения. Помещение разработчиками акта официального толкования права ссылки на норму статьи 165.1 ГК РФ в скобки является, на наш взгляд, в данном случае не самым удачным приемом юридической техники.

По мнению В. Г. Куранова, «юридически значимое сообщение в гражданском праве – это

особый юридический факт, являющийся правомерным действием (в виде юридического акта), при котором воля отправителя направлена на донесение информации, при получении которой для адресата возникают гражданско-правовые последствия, и порождающий организационное гражданское правоотношение, влекущее возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей в составе с другими юридическими фактами» [11, с. 11].

Учитывая, что обращение в орган, компетентный осуществлять государственную регистрацию сделок, с заявлением влияет лишь на отражение существующих прав по сделке в публичном реестре, а не собственно на возникновение или прекращение гражданских прав и обязанностей, оно не может быть оценено как юридически значимое сообщение в том смысле, в каком соответствующий термин имеет значение в гражданском законодательстве.

Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). И если считать уведомление об одностороннем отказе от исполнения лишь юридически значимым сообщением, встает вопрос: что же в данном случае является собственно сделкой – действием, направленным на прекращение гражданских прав и обязанностей, являющихся содержанием договорного отношения?

Думается, собственно сделкой является выраженное вовне действие – направление отказа от исполнения договора контрагенту. Однако очевидно, что такие действия прекращают договорное отношение как при получении сообщения, так и если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от контрагента, не было вручено адресату или адресат, получив отправление, и вовсе не посчитал нужным ознакомиться с ним. Иными словами, причина, по которой воля участника гражданского оборота, отказавшегося от исполнения договора, не стала известна другому участнику договора, – юридически безразлична.

Особой остротой применительно к теме исследования обладает такая правоприменительная ситуация, когда возможность отказа от исполнения договора для его стороны связана с некоторыми объективными явлениями дейст-

Para. 2 of Item 11 of the Resolution ‘On Consequences of Terminating a Contract’ gives explanations as follows: ‘If the contract provides for the right of a party to refuse contract execution without a reason, the party which exercises this right may unilaterally apply to the authority that registered the contract, with a request to register the contract termination, while presenting evidence of notifying the other party about the fact of the refusal to execute the contract (Article 165.1 of the Civil Code of the Russian Federation)’.

This inaccurately formulated reference, given in the act of official interpretation to the application of rules on legally significant communications within the procedure of unilateral refusal to execute the contract, is usually reproduced by researchers with no critical re-evaluation [12, p. 8].

Commenting on the interpretation provided by the supreme institution of economic justice with regard to the clause covering the possibility to recognize a registered contract as terminated, S. A. Somenkov was right to define the grounds for unilateral refusal as a motive to claim for recognizing the contract as terminated. ‘In the event that an unmotivated refusal to execute the contract is allowed, the party which exercises this right may unilaterally apply to the authority that registered the contract with a request to register the contract termination. Notifying the other party about the refusal to execute the contract is a legally significant communication (Article 165.1 of the Civil Code), and the party which has refused the execution must provide the above authority with the evidence of such notification’ [16, p. 90].

The position of S. A. Somenkov leaves no doubt: he considers that a legally significant communication is a notification made by one party to the contract about the refusal to execute the contract addressed to the other party. However, the text of the Resolution of the Plenum does not exclude the possibility of treating the request to the registration authority about the notification as a legally significant communication. Putting the reference to Article 165.1 of the RF Civil Code into brackets by the developers of the act of formal interpretation of law, in our opinion, is not the best legal technique method in this case.

According to V. G. Kuranov, ‘a legally significant communication in civil law is a special

legal fact *representing* a legitimate action (in the form of a legal act) in which the addresser’s will is aimed at conveying information that, when received, entails civil legal consequences for the addressee, and *initiates* an organizational civil legal relationship, entailing the occurrence, change and termination of civil rights and obligations in combination with other legal facts’ [11, p. 11].

In view that filing an application to the body authorized to carry out state registration of transactions only affects the reflection of the rights existing under the transaction in the public register, and not the actual occurrence or termination of civil rights and obligations, it cannot be treated as a legally significant communication in the sense attached to the term in civil law.

Transactions are actions of citizens and legal entities aimed at establishing, changing or terminating civil rights and obligations (Article 153 of the RF Civil Code). If we treat a notice of unilateral refusal to execute as merely a legally significant communication, here the question arises of what in this case is actually a transaction – an action *aimed at* terminating civil rights and obligations that are the content of the contractual relationship?

It appears that the transaction itself is an externally expressed action – sending a refusal to execute the contract to the counterparty. However, it is clear that such actions cease contractual relationship both in case when the communication was received and in cases when it reached the person to whom it was sent (the addressee) but, due to circumstances beyond the control of the counterparty, was not presented to the addressee, or the addressee chose not to read the communication at all upon receiving it. In other words, the reason why the will of the civil turnover participant who refused to execute the contract did not become known to the other party to the contract is legally not significant.

With regard to the subject of our study, particularly illustrative is the situation when the possibility of refusal to execute the contract for its

вительности: а) поведением контрагента (противоправным или правомерным); б) иными обстоятельствами. При этом документирование соответствующих фактов может требовать значительных затрат времени и ресурсов. Официальные разъяснения определяют эти факты, как может показаться, крайне просто, а в действительности – предельно туманно, оперируя категорией «обстоятельства, подлежащие проверке». Понятно, что на практике правоприменитель сталкивается со сложностями, давая оценку тому, какие же, собственно, обстоятельства требуют проверки. Способствует тому определение неизвестного через неизвестное. По сути, правило сформулировано Пленумом ВАС РФ так: обращаться к суду, а не к регистрирующему органу нужно тогда, когда это необходимо по характеру ситуации. Подход напоминает выделение законодателем дел в особое производство по критерию отсутствия спора о праве, закрепленному в части 3 статьи 263 ГПК РФ. Что такое «спор о праве» – приходится выяснять отдельно.

В данном случае Пленум, по-видимому, имел в виду тот случай, когда должностное лицо регистрирующего органа уверено, что разумным участником оборота исключается интерпретация представленных документов, характеризующих развитие отношений между контрагентами как продолжающихся.

Поставленная проблема имеет большое практическое значение, поскольку выход регистрирующих органов за границы своей компетенции, т. е. внесение в реестр записи о прекращении обременения недвижимого имущества, может повлечь принятие судом решения о признании незаконным регистрационного действия по погашению соответствующей записи и об обязанности восстановить записи в реестре¹.

Ссылки на соответствующей пункт разъяснений закона, позволяющих признавать договор прекратившимся, встречаются в судебной практике почти одинаково часто, как в делах искового производства, так и в делах, возникающих из публичных отношений, если быть

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.12.2019 № Ф06-55517/2019 по делу № А55-9851/2019; определение Верховного Суда РФ от 10.04.2020 № 306-ЭС20-4085 по делу № А55-9851/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уж совсем точным – в делах об оспаривании действий или бездействия регистрирующих органов.

Даже простые, как может показаться, обстоятельства нередко требуют самой тщательной проверки. Так, факт внесения арендой платы – типичное обстоятельство, проверка которого происходит в делах о признании договоров аренды прекратившими действие². Рассмотрение дел о расчетах в рамках длящихся отношений, осложненных возможностью зачетов встречных однородных требований, нередко сопряжено с необходимостью проверки целого ряда обстоятельств и даже назначения экспертиз.

Однако возможна и такая ситуация, когда факт невнесения арендной платы установлен вступившим в силу решением суда о взыскании задолженности³. В данном случае говорить, что факт невнесения арендной платы требует проверки регистрирующим органом, значит не учитывать принцип обязательности судебных актов.

Возможна и такая ситуация, когда требование о признании договора прекратившимся обусловлено тем, что сторона, правомерно заявившая об одностороннем отказе от исполнения договора, впоследствии уклоняется от логичных следствий такого отказа. Например, при рассмотрении конкретного дела, в случае одностороннего отказа нанимателя от исполнения договора коммерческого найма жилого помещения, суд пришел к выводу о необходимости удовлетворения требования о признании договора прекратившимся и о выселении нанимателя из этого помещения⁴. Думается, что само заявление требования о признании договора найма прекратившимся было в данном случае избыточным, поскольку удовлетворение иска о присуждении – выселении из незаконно занимаемого помещения – являлось достаточным

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 № Ф05-22409/2019 по делу № А41-48927/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.11.2018 № Ф06-39632/2018 по делу № А55-9894/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2020 № Ф07-1453/2020 по делу № А56-14190/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

party is associated with some objective phenomena: (a) the counterparty's behavior (illegal or lawful); (b) other circumstances. The process of documenting the relevant facts can require significant time and resources. Official explanations define these facts in a manner that may wrongly seem to be extremely simple, while actually being extremely vague – with the use of the category 'circumstances subject to verification'. Obviously, in practice law enforcers face difficulties in assessing what circumstances require verification. Defining unknown through unknown definitely contributes to this problem. In fact, the rule was formulated by the Plenum of the Supreme Commercial Code as follows: addressing the court and not the registering authority is necessary when is required by the nature of the situation. The approach resembles a situation when the legislator refers cases to special proceedings under the criterion of the absence of a dispute about the right established in Part 3 of Article 263 of the RF Civil Code. What exactly lies behind the wording 'dispute about the right' is something that needs to be found separately.

Apparently, in this case the Plenum meant the case when an official of the registering authority is sure that a reasonable participant of the turnover excludes the interpretation of the submitted documents characterizing the development of relations between counterparties as continuing.

The problem raised is of great practical importance since a situation when registration authorities go beyond the scope of their jurisdiction – i.e. put on the register a record about the termination of encumbrance of immovables – may entail a court decision to recognize the registration action on cancelling the respective record as illegal and to oblige to restore the entries in the register¹.

In judicial practice, references to the relevant explanations of the law that allow recognition of a contract as terminated are found almost equally

¹ Ruling of the Commercial Court of the Povolzhskiy Circuit No. F06-55517/2019 in case No. A55-9851/2019 of December 23, 2019. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES20-4085 in case No. A55-9851/2019 of April 10, 2020. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

often in cases of claim proceedings and in cases arising from public relations, to be more precise – in cases of challenging the actions or inaction of registration authorities.

Even seemingly simple circumstances often require thorough verification. For example, the fact of paying rent is a typical circumstance checked in cases over recognition of lease agreements as terminated². Consideration of cases about monetary settlements within continuing relations complicated by the possibility of the offset of similar counter-claims is often associated with the need to verify a number of circumstances and even commission expert examinations.

However, it is also possible that the fact of non-payment of rent is established by the court decision on debt recovery that has entered into force³. In this case, speaking about the need to verify the fact of non-payment of rent by the registration authority means ignoring the principle of the judicial acts binding nature.

Another possible situation is when the demand to recognize a contract as terminated is conditioned by the fact that the party who has legitimately declared a unilateral refusal to execute the contract subsequently evades the logical consequences of such a refusal. For example, while considering a specific case when the lessee unilaterally refused to execute the contract of commercial rent of residential premises, the court concluded that it was necessary to satisfy the demand to recognize the contract as terminated and evict the lessee from the above premises⁴. Seemingly, in this case, the claim about recognition of the rent contract as terminated is redundant because satisfaction of the claim for award – eviction from the illegally occupied premises – was sufficient

² Ruling of the Commercial Court of the Moscow Circuit No. F05-22409/2019 in case No. A41-48927/2019 of February 12, 2020. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

³ Ruling of the Commercial Court of the Povolzhskiy Circuit No. F06-39632/2018 in case No. A55-9894/2018 of November 28, 2018. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

⁴ Ruling of the Commercial Court of the North West Circuit No. F07-1453/2020 in case No. A56-14190/2019 of March 16, 2020. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

для защиты права собственника помещения (наймодателя в прекратившем действие договоре коммерческого найма жилого помещения).

Наконец, несколько слов об обстоятельствах, отражающихся в общедоступных, как правило «официальных», источниках. Положим, в договоре возможность одностороннего отказа от договора связана с падением «официального» курса иностранной валюты ниже определенного уровня (по курсу Банка России) или повышением ключевой ставки выше определенного процента. Ясно, что проверка судом таких обстоятельств будет сущей формальностью, а значит, регистрирующий орган в такой ситуации не должен отказывать в совершении регистрационного действия, направленного на фиксацию факта прекращения договорного отношения. Иными словами, если существует однозначно идентифицируемый на основании положений объективного права или условий договора источник информации о юридически значимом обстоятельстве, его дополнительная проверка путем обращения к иным источникам не только регистрирующим органом, но и судом не требуется.

Признание регистрируемых договоров прекращенными с конкретной датой

Требования о признании длящихся отношений и, прежде всего, договоров аренды прекратившимися встречаются в судебной практике¹, более того, имеются случаи признания прекращенными отношений аренды части переданного арендатору имущества².

Весьма любопытен вопрос о том, каким должно быть требование истца к ответчику: должно ли оно содержать привязку к конкретной дате, когда произошло прекращение отношений, или может носить простое указание на факт, свершившийся к моменту обращения в суд.

¹ Определения Верховного Суда РФ: от 11.09.2017 № 307-ЭС17-12045 по делу № А56-36388/2016; от 3.07.2017 г. № 308-ЭС17-5753 по делу № А32-14430/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2016 № 10АП-14002/2016 по делу № А41-103245/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 4.04.2017 № 301-ЭС17-2063 по делу № А79-12105/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

В судебной практике случается, когда судами указывается конкретная дата прекращения договорного отношения, если истец требует указания таковой³.

Поскольку основной целью предъявления иска о признании договора прекратившимся является актуализация данных публичного реестра, а такая актуализация не возможна задним числом, то и указание точной даты прекращения договора, как может показаться, в сущности, лишено большого смысла. Однако в конкретных случаях это может быть и не так. Например, если договором предусмотрена пеня, уплачиваемая за просрочку возврата используемой недвижимой вещи, думается, что указание на дату прекращения договорного отношения не будет лишним, что позволит избежать спора о сумме неустойки, подлежащей уплате. Возможный довод о том, что в такой ситуации возможен обход закона – предъявление иска о признании вместо иска о присуждении, нам кажется слабым.

Идея процессуальной экономии не является аргументом в пользу указания или, наоборот, не указания в резолютивной части решения конкретной даты признания регистрируемого договора прекратившимся. Отказываясь от выяснения такой даты на момент разрешения существующего спора, суд неизбежно увеличивает шанс возникновения другого спора в будущем. Именно поэтому нам думается, что суд должен исходить из принципа диспозитивности гражданского процесса и считать, что заявление истцом требований о признании договора прекратившимся с конкретной датой имеет под собой уважительные причины. Действительно, с учетом длительного общения с контрагентом, кому как ни самому истцу знать, каким образом его право будет защищено лучше всего и с какими еще проблемами он может столкнуться по завершении договорных отношений. Вместе с тем при рассмотрении соответствующего спора для суда будет не лишним задать истцу вопрос о причине, по которой он просит указать дату прекращения договорного отношения, и отразить содержание ответа в самом тексте решения.

³ Постановления Арбитражного суда: Московского округа от 12.02.2020 № Ф05-22409/2019 по делу № А41-48927/2019; Северо-Западного округа от 26.12.2017 № Ф07-14064/2017 по делу № А52-918/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

to protect the rights of the owner of the premises (the lessor in the terminated contract of commercial rent of residential premises).

Finally, a few words should be said about the circumstances described in publicly available, as a rule ‘official’, sources. Let us take the following situation: a contract provides for a possibility to unilaterally refuse the contract execution depending on the fall of the ‘official’ exchange rate below a certain level (according to the exchange rate of the Bank of Russia) or a rise in the key rate above a certain percentage. It is clear that the court’s verification of such circumstances will be a mere formality, which means that the registering authority in such a situation should not refuse to perform a registration action aimed at recording the fact of termination of the contractual relationship. In other words, if there exists a source of information about a legally significant circumstance that is clearly identifiable on the basis of rules of law or terms of the contract, its additional verification by referring to other sources is not required neither for the registering authority nor for the court.

Recognition of Registered Contracts as Terminated from a Specific Date

Requirements for recognition of continuing relationships and, first of all, lease contracts as terminated are found in court practice¹; moreover, there are cases when leasing relationships with regard to a part of property transferred to the lessee have been recognized as terminated².

A very interesting question is what should the demand of the complainant to the defendant be like: should it contain a link to a specific date on which the termination of the relationship occurred, or can it be a simple indication of the fact that has already occurred by the time of appealing to the court.

¹ Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES17-12045 in case No. A56-36388/2016 of September 11, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’; Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 308-ES17-5753 in case No. A32-14430/2016 of July 3, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’; Ruling of the Tenth Commercial Appeal Court No. 10AP-14002/2016 in case No. A41-103245/15 of November 15, 2016. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

² Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 301-ES17-2063 in case No. A79-12105/2015 of April 4, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

In judicial practice, there are cases when the courts indicate a specific date of the contractual relationship termination if the complainant wants it to be indicated³.

Since the main purpose of filing a claim for recognition of a contract as terminated is to update the data of the public register, and such updating is not possible retroactively, it may seem that specifying the exact date of the contract termination is essentially meaningless. However, in specific cases it may not be so. For example, if the contract establishes penalties imposed for late return of the immovable thing being used under the contract, it is believed that a reference to the date of termination of the contractual relationship will not be superfluous, this will help to avoid a dispute about the amount of penalties to be paid. A possible argument that in such a situation it is possible to evade the law – thorough filing a claim for recognition instead of a claim for award – seems to us to be weak.

The idea of procedural economy is not an argument in favor of specifying or, on the contrary, not specifying in the operative part of the decision a specific date of recognition of the registered contract as terminated. By avoiding the task of determining such a date while settling an existing dispute, the court inevitably increases the chance of another dispute arising in the future. That is why we think that the court should proceed from the principle of discretionary nature of civil proceedings, and be of the opinion that the complainant’s claiming for recognition of a contract as terminated from a specific date is based on sound reasons. Given the long communication with the counterparty, who knows better than the complainant how his/her right can be best protected and what other problems he/she may face at the end of the contractual relationship? At the same time, when considering such a dispute, it will be helpful for the court to ask the complainant about the reason why he/she asks to specify the date of termination of the contractual relationship and to provide the content of the answer in the very text of the decision.

³ Ruling of the Commercial Court of the Moscow Circuit No. F05-22409/2019 in case No. A41-48927/2019 of February 12, 2020. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’; Ruling of the Commercial Court of the North West Circuit No. F07-14064/2017 in case No. A52-918/2016 of December 26, 2017. Access from the legal reference system ‘ConsultantPlus’.

Симметрия способов фиксации и способов защиты прав в национальном правовом порядке

Не будь в системе юридических фактов регистрационных действий, скорее всего, не существовало бы и необходимости называть в акте официального толкования права такой не поименованный в законе способ защиты, как признание договора прекратившимся.

Симметрия (др.-греч. *συμμετρία* – «соразмерность»), в широком смысле этого термина, – соответствие, неизменность, проявляемые при каких-либо изменениях, преобразованиях.

Полагаем, следует вести речь о необходимости соблюдения симметрии применяемого способа защиты нарушенного права доказанному нарушению, т. е. о возможности применения соразмерных мер реагирования государства на нарушения частного интереса по просьбе этого частного лица.

Когда договорное отношение носит длящийся характер и нужна правовая определенность, как было показано выше, добросовестная сторона отношения может прибегнуть к иску о признании обязательственного права отсутствующим. На фоне увеличения популярности последнего в правоприменительной практике зададимся вопросом: почему авторы официального толкования закона не допустили использования применительно к реестровым правам возможности признания права аренды прекратившимся?

Думается, такой вариант имел право на существование. Действительно, если регистрируемый договор аренды дает возможность владения и пользования имуществом, то признать право аренды прекратившимся или отсутствующим – логичный выход из ситуации.

Предложение 2 части 6 статьи 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹ содержит правило: «В случаях, установленных федеральным законом, государственной регистрации подлежат возникающие, в том числе на основании договора, либо акта органа государственной власти, либо акта органа местного самоуправления, ограничения прав и обременения недвижимого имущества, в част-

ности сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, наем жилого помещения». Понятно, что разъяснение ВАС РФ касалось норм ранее действовавшего закона², регулировавшего процедуру регистрации, но эти нормы не подверглись революционным изменениям.

Если учесть, что в российской национальной системе регистрируется договор аренды недвижимости, при этом право аренды фиксируется в реестре как обременение объекта недвижимости в пользу арендатора, приходим к выводу, что решение о признании договора аренды прекратившимся или права аренды отсутствующим (прекратившимся) одинаково удовлетворяло бы арендодателя, а регистрирующие органы обязывало бы актуализировать данные реестра.

В этой связи стоит вспомнить, что в иностранных правовых порядках существуют два основных подхода к регистрации: регистрация действий сделок (действий, актов) и регистрация прав (титолов).

«Система регистрации актов представляет собой публичное хранилище, в котором хранятся, нумеруются, датируются, индексируются и архивируются документы, подтверждающие совершение земельных сделок, – отмечают Клаус Дейнингер (Klaus Deininger) и Гершон Федер (Gershon Feder). – Запись дает публичное уведомление о сделке, служит доказательством для нее и может присваивать приоритет зарегистрированным правам в том смысле, что в большинстве случаев зарегистрированные акты имеют приоритет над незарегистрированными или любыми последующими зарегистрированными актами. В то же время регистрация акта не гарантирует юридической силы лежащей в его основе сделки» [26, p. 243].

Авторы в работе, написанной на стыке экономики, политики и права, противопоставляют систему регистрации действий системе регистрации прав, отдавая предпочтение второй. Они говорят о трех принципах работы системы регистрации прав (титолов): *зеркальности, занавеса и страхования (гарантии)*. Кратко и емко Дейнингер и Федер раскрывают механизм работы системы и названные принци-

² О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3594).

Symmetry of Ways of Documentation and Ways of Protecting Rights in the National Legal System

Should there be no registration actions in the system of legal facts, it is most likely that there would be no need to complement the act of official interpretation of law with such a way of protection, not referenced in law, as recognition of a contract as terminated.

Symmetry (ancient Greek *συμμετρία* – ‘commensurability’), in a broad sense, is conformity, inalterability manifested under some changes, transformations.

We should speak about the need to respect the symmetry between the applied way of protecting an infringed right and the proved infringement, that is, about the possibility of applying a proportionate response of the state to infringement of the private interest at the request of a private person.

When a contractual relationship is of a continuing nature and there is needed legal certainty, as shown above, a good-faith party to the relationship may file a claim for recognition of the right of obligation as absent. In view of the increasing popularity of such a claim in legal practice, let us ask a question: why did not the authors of the official interpretation of law allow for the opportunity to use recognition of lease rights as terminated with regard to registered rights?

It would seem that this option had the right to exist. If a registered lease contract gives an opportunity to own and use property, recognition of the lease right as terminated or absent is a logical way out of the situation.

According to the rule contained in sentence 2 of Part 6 of Article 1 of the Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015 ‘On State Registration of Property’¹, ‘In the cases established by federal law, registration shall be performed for restrictions of rights or encumbrances over property resulting from the contractual provisions, the act of public authority, any act of the local administration, including servitude, mortgage, asset management, leasing, rent of living premises’. It is clear that the

¹ Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Pt. 1). Art. 4344.

explanation of the Supreme Commercial Court concerned the norms of the previous law² that regulated the procedure of registration, but the rules have not undergone any revolutionary changes.

Within the Russian national system, real estate lease contracts are registered, with the right of lease being recorded in the register as an encumbrance of the property in favor of the lessee. Taking into account this fact, we come to a conclusion that the decision on the recognition of a lease contract as terminated or of the right of lease as absent (terminated) would equally satisfy the lessor and would oblige the registration authorities to keep the register data updated.

In this regard, it is worth remembering that in foreign legal systems there are two main approaches to registration: registration of actions of transactions (actions, acts) and registration of rights (titles).

As Klaus Deininger and Gershon Feder note, ‘A deeds registration system is a public repository where documents for providing evidence of land transactions are lodged, numbered, dated, indexed, and archived. Recording will give public notice of the transaction, serve as evidence for it, and may assign priority to recorded rights in the sense that, in most contexts, registered deeds take priority over unregistered ones, or any deeds registered subsequently. At the same time, registration of a deed does not guarantee the legal validity of the underlying transaction’ [26, p. 243].

In their work written at the junction of economics, politics and law, the authors oppose the system of registration of actions to the system of registration of rights, leaning towards the latter. They identify the following three principles of registration of rights (titles): *the mirror principle, the curtain principle, the assurance principle*. Deininger and Feder provide a succinct description of the system operation mechanism and the named prin-

² Federal Law No. 122-FZ ‘On State Registration of the Rights to Real Estate and Transactions Therewith’ of July 21, 1997. Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1997. No. 30. Art. 3594.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4344.

пы: «Напротив, при регистрации прав собственности сам реестр служит основным доказательством права собственности, которое обычно идентифицируется тремя признаками, а именно: (i) зеркальным принципом, указывающим на то, что ситуация в реестре является точным отражением реальности; (ii) принципом занавеса, подразумевающим, что любому заинтересованному в выяснении правового статуса данного имущества не придется заниматься длительным поиском документов, но он может полагаться на то, что доказательства из реестра прав собственности являются окончательными; и (iii) принцип гарантии, в соответствии с которым правительство возмещает ущерб, причиненный в результате ошибок в реестре» [26, p. 243].

Три названных принципа юристы относят обычно к системе добровольной регистрации прав, предложенной Робертом Торренсом (Robert Torrens), апробированной в штате Южная Австралия в середине XIX века и реализованной во многих правовых системах. «Сначала ее адаптировали другие австралийские штаты, затем почти все штаты Канады, Новая Зеландия, Ирландия, Филиппины, Доминиканская Республика, Таиланд, Малайзия, Сингапур, а также 10 штатов США (Миннесота, Вирджиния, Массачусетс, Колорадо, Джорджия, Гавайи, Нью-Йорк, Северная Каролина, Огайо и Вашингтон)», – пишет Р.С. Бевзенко [1, с. 225].

Относительно того, где именно действует система Торренса, а где лишь ее подобию, можно долго спорить. Так, Фредрик Б. МакКолл [Frederick B. McCall] еще в 1932 году писал [27, p. 329] о принятии мер по реализации системы Торренса 19 штатах США. С учетом установлений конституций штатов он считал ее реализованной в Иллинойсе (1897), Калифорнии (1897) и Огайо (1914). «Остальные штаты, общее число законов которых о системе регистрации Торренса составляет девятнадцать, приняли свои правовые акты в следующем порядке: Массачусетс, 1898; Орегон, 1901; Миннесота, 1901; Колорадо, 1903; Вашингтон, 1907; Нью-Йорк, 1908; Северная Каролина, 1913; Миссисипи, 1914; Небраска, 1915; Южная Каролина, 1916; Вирджиния, 1916; Джорджия, 1917; Северная Дакота, 1917; Южная Дакота, 1917; Теннесси, 1917; Юта, 1917» [27, pp. 329–330].

Однако далее МакКолл указывал на основе анализа практики, полученной в ходе переписки с профессурой и практикующими юристами: «...Система [Торренса] на протяжении тридцати пяти лет своего существования в нашей стране добивалась успеха лишь местами; что даже в тех штатах, где она достигла наибольшего успеха и, можно сказать, установилась достаточно прочно – в Массачусетсе, Иллинойсе, Миннесоте, Калифорнии, Колорадо и, возможно, Джорджии, – ее использование ограничивалось определенными ограниченными областями и ни в коем случае не распространялось на весь штат. За исключением, возможно, Нью-Йорка, Северной Каролины и Огайо, эта система – в том, что касается ее использования вообще – кажется, почти полностью провалилась в остальных тринадцати Штатах» [27, p. 337].

Запутаться в том, что понимать под системой Торренса, очень просто, учитывая позицию, которую излагал Джеймс Р. Каррет (James R. Carret): «Что касается этих и всех других моментов, связанных с системой, то нет никаких причин, почему мы должны рабски следовать ей во всех деталях или подражать ей с китайской точностью; но тщательное изучение ее теми, кто знаком с нашими методами, показало бы, какие особенности лучше всего приспособлены к нашей системе и методам обращения с недвижимостью» [24, p. 30].

Трудно не согласиться с рациональностью хода мысли Каррета, запечатленного на страницах гарвардского журнала накануне появления норм, в значительной мере воспроизводящих идеи Роберта Торренса в позитивном праве США. Вместе с тем при такой реализации концепции, когда она получает индивидуальную настройку под соответствующую юрисдикцию, правильно ли использовать для обозначения этой системы имя ее разработчика?

Выше мы сказали о трех принципах работы системы Торренса, одним из которых является страхование (гарантия). Нужно понимать тонкости данной системы: «Иногда говорят, что система Торренса – это метод государственного страхования или гарантии права собственности. В действительности имеет место обратная ситуация. Договор страхования или гарантии правового титула – это договор о возмещении убытков в случае, если правовой ти-

cles: 'By contrast, under registration of titles, the register itself serves as the primary evidence of ownership as commonly identified by three attributes, namely (i) the mirror principle indicating that the situation in the registry is an exact reflection of reality; (ii) the curtain principle, implying that anybody interested in inquiring about the title status of a given property will not have to engage in a lengthy search of documents but can rely on the evidence from the title registry being definitive; and (iii) the assurance principle according to which the government will indemnify for damages incurred as a consequence of errors in the registry' [26, p. 243].

In fact, the three principles mentioned above are usually referred by lawyers to the system of voluntary registration of rights proposed by Robert Torrens, tested in the state of South Australia in the mid-19th century, and implemented in many legal systems. As R. S. Bevzenko notes, 'First, it was adapted by other Australian states, then almost all the states of Canada, New Zealand, Ireland, the Philippines, the Dominican Republic, Thailand, Malaysia, Singapore, as well as 10 US states (Minnesota, Virginia, Massachusetts, Colorado, Georgia, Hawaii, New York, North Carolina, Ohio and Washington)' [1, p. 225].

It could be a long story to argue about where the Torrens system itself is used and where just similar systems are applied. For example, as early as in 1932, Frederick B. McCall wrote [27, p. 329] about taking steps to implement the Torrens system in 19 US states. Taking into account the provisions of the state constitutions, he considered it implemented in Illinois (1897), California (1897), and Ohio (1914). 'The other states, which complete the total of nineteen having Torrens registration laws, passed their Acts in the following order: Massachusetts, 1898; Oregon, 1901; Minnesota, 1901; Colorado, 1903; Washington, 1907; New York, 1908; North Carolina, 1913; Mississippi, 1914; Nebraska, 1915; South Carolina, 1916; Virginia, 1916; Georgia, 1917; North Dakota, 1917; South Dakota, 1917; Tennessee, 1917; Utah, 1917' [27, pp. 329–330].

However, based on the analysis of the practice obtained from correspondence with professors and practicing lawyers, McCall further noted: '...The above tabulation shows pretty clearly that the system, throughout its thirty-five years of existence in this country, has at most been only sporadically successful; that even in those states where it has attained greatest success and can be said to be fairly permanently established – Massachusetts, Illinois, Minnesota, California, Colorado, and perhaps Georgia – its use has been confined to certain limited areas and has by no means been statewide in scope. With the possible exception of New York, North Carolina, and Ohio, the system – so far as any use of it at all is concerned – seems to have been almost a flat failure in the remaining thirteen states' [27, p. 337].

It is very easy to get confused about what is meant by the Torrens system in view of the position given by James R. Carret: 'As to these and all other points in relation to the system, there is no reason why we should slavishly follow it in every particular, or imitate it with Chinese accuracy; but careful study of it by those familiar with our methods would show what features are best adapted to our system and methods of dealing with real estate' [24, p. 30].

It is hard to disagree with the rationality of Carret's train of thought as captured on the pages of a Harvard journal right before the introduction of the norms that to a large extent reproduce the ideas of Robert Torrens in positive law of the USA. However, with such implementation of the concept when it receives individual adjustment for the respective jurisdiction, is it correct to use the name of its developer to denominate the system?

As we have mentioned above, one of the three principles of the Torrens system is assurance. It is important to understand the nuances of this system: 'It is sometimes said that the Torrens system is a method of state insurance or guaranty of title. It is just the opposite of this. A contract of insurance or guaranty of title is one of indemnity in case the title shall fail, but under the Torrens system the state through its declaration of the indefeasibility of a registered title establishes it so that it cannot

тул окажется несостоятельным, в то время как в соответствии с системой Торренса государство своим заявлением о неопровержимости зарегистрированного правового титула устанавливает его таким образом, что он становится непоколебимым. Страховой или компенсационный фонд в рамках этой системы предназначен не для обладателя свидетельства о праве собственности, а для лиц, которые могут быть лишены прав или интересов на землю в связи с декларацией о неопровержимости [зарегистрированного права]», – писал Уильям К. Ниблак [William C. Niblack] более века назад [28, p. 284].

Однако вопрос о сложностях, связанных с принципом страхования в системе Торренса, не только не раскрыт, но и, по сути, не формулирован в приведенной цитате. Действительно, система Торренса не предполагает всецелой компенсации любых потерь, наступивших от любых юридических рисков. Более того, в четырех юрисдикциях Австралии страховое возмещение в рамках системы Торренса действовала как исключительная мера. «В Южной Австралии, Западной Австралии, Тасмании и Австралийской столичной территории в большинстве случаев заявители должны сначала исчерпать свои средства правовой защиты против лица, которое несет ответственность за потери или которое неосновательно обогатилось в результате допущенной ошибки», – отмечает спустя почти столетие Памелла О’Коннор (Pamela O’Connor) в работе, посвященной проблемам сочетания страхования титула со страхованием интереса в рамках системы Торренса [29, p. 22].

Исследования первой трети XX века [25; 27; 28; 30], посвященные приемлемости системы Торренса в различных штатах США, ее положительным и отрицательным чертам, проявившимся в результате применения законодательства, и доступные для широкой публики благодаря современным информационным технологиям¹, оказываются нередко забыты или опущены при описании мировых экономико-правовых тенденций в связи с учетом прав на земельные участки. Думается, это является следствием невозможности воспроизведения

¹ Все приведенные в настоящей статье работы на английском языке, относящиеся к первой половине XX века, найдены с использованием системы «Google Академия». URL: <https://scholar.google.ru/>.

всего спектра правовых средств, присущих национальным правовым системам в какой-бы то ни было работе по праву, а тем более в работах по экономике. Справедливости ради стоит заметить, что самому обсуждению системы Торренса сопутствует в качестве исторической справки упоминание о наличии в ее основе более ранних принципов регистрации сделок с морскими судами и даже национальными правовыми системами Старого Света: «Это напоминает систему, которая была в моде в Германии, Австрии, Скандинавских странах и Швейцарии в течение многих лет» [30, p. 520].

Уильям К. Ниблак, касаясь вопроса о надлежащей правовой процедуре, заметил: «Цинично отмечено, что ничто так не запутывает предмет, как его общее обсуждение, но если это так, то только потому, что предмет не понят ясно тем, кто его обсуждает» [28, p. 285].

Однако, если посмотреть на проблему шире, за обобщениями и упрощениями кроются поистине катастрофические последствия, свидетельством чего является история политических химер XX века, в основе которых, на наш взгляд, часто лежали именно обобщения. Поэтому вынуждены отметить, что выводы, сделанные в настоящей работе, касаются, прежде всего, российской правовой системы и могут быть применены к иным правовым порядкам лишь с осторожностью. Остается заметить, что многие выводы, сделанные в ходе наших собственных исследований, оказывались опровергнутыми спустя незначительное время российской правоприменительной практикой, формируемой под действием экономических закономерностей, в т. ч. и нехватки выделенных бюджетов. Именно поэтому многие выводы относительно правовых явлений оказываются справедливыми не только для конкретной юрисдикции, но и для довольно ограниченного отрезка времени.

Думается, если бы в России была реализована система регистрационных действий в одном из ее классических континентально-европейских вариантов, т. е. или как регистрация сделок (Франция), или как регистрация прав (Германия), не было бы необходимости использовать такой способ защиты, как признание регистрируемого договора прекратившимся. Существование в России гибридной системы регистрации, в рамках которой регистрируются и сделки (в частности, на основа-

fail. The insurance or indemnity fund under the system is not for the holder of the certificate of title, but for persons who may be deprived of rights or interests in land by this declaration of indefeasibility’ [28, p. 284], – William C. Niblack wrote over a century ago.

However, the question of the complexities associated with the principle of assurance in the Torrens system is not only not covered in a sufficient way but, in fact, is not formulated in the above quote. The Torrens system does not provide for the full compensation for any losses arising from any legal risks. Moreover, in four jurisdictions of Australia, insurance compensation under the Torrens system functioned as an exceptional measure. ‘In South Australia, Western Australia, Tasmania and the Australian Capital Territory, in most cases claimants must first exhaust their remedies against the person who was responsible for the loss or who has benefited by the error’ [29, p. 22] – as was noted a hundred of years later by Pamela O’Connor in her work on the problems of combining the title insurance with the interest insurance within the Torrens system.

The studies of the first third of the 20th century [25, 27, 28, 30] on the acceptability of the Torrens system in different US states, its positive and negative features that became apparent as a result of the application of legislation and that are publicly available through modern information technologies¹ are often forgotten or omitted when describing global economic and legal trends related to keeping the accounts of land titles. Seemingly, this is a consequence of the impossibility to reproduce the whole palette of legal means inherent in national legal systems in any work on law, and even more so in works on economics. In fairness, it should be mentioned that the discussion of the Tor-

¹ All works in English dating back to the first half of the 20th century we referred to in this paper were found by means of the Google Academy system. Available at: <https://scholar.google.ru/>.

rens system itself is accompanied by a historical reference to the fact that it is based on earlier principles of registration of transactions with sea vessels and even national legal systems of the Old World: ‘It resembles a system which has been in vogue in Germany, Austria, the Scandinavian countries and Switzerland for a great many years’ [30, p. 520].

Speaking about the issue of the applicable legal procedure, William C. Niblack commented as follows: ‘It has been said cynically that nothing so befogs a subject as a general discussion of it, but if this be so it is only because the subject is not understood clearly by those who discuss it’ [28, p. 285].

However, if we look at the problem from a broader perspective, there are truly disastrous consequences behind generalizations and simplifications, as evidenced by the history of political chimeras of the 20th century, which, in our opinion, were often based on generalizations. Therefore, we must note that the conclusions drawn in this paper relate primarily to the Russian legal system and can only be applied to other legal systems with caution. It remains to be noted that many of the conclusions made in the course of our research were refuted after a short time period by Russian law enforcement practice, formed under the influence of economic regularities, including the lack of allocated budgets. That is why many conclusions about legal phenomena turn to be valid not only for a specific jurisdiction, but also for a fairly limited period of time.

It seems that if the system of registration actions was implemented in Russia in one of its classic continental European variants – either as the registration of transactions (France) or as the registration of rights (Germany) – there would be no need to use such a way of protection as recognition of a registered contract as terminated. The existence of a hybrid registration system in Russia, in which there are registered both transactions

нии п. 2 ст. 609 ГК РФ регистрируется договор аренды недвижимости на срок год и более), и права с сопутствующими обременениями, привело к рождению нетипичных, комбинированных способов защиты прав.

Подход высшего российского органа экономического правосудия, допустившего именно признание регистрируемого договора прекратившимся, кажется нам вполне последовательным, поскольку прямое указание в акте официального толкования закона на возможность признания обязательственного права отсутствующим или прекратившимся, скорее всего, было бы воспринято судебной практикой как дополнительное подтверждение его одобрения или даже «поощрение» использования соответствующего иска как эффективного, имеющего общественную ценность способа защиты прав. Между тем сама возможность обратиться к иску о признании обязательственного права отсутствующим должна оцениваться судами очень взвешенно, а требования удовлетворяться лишь при веских основаниях полагать, что сохранение правовой неопределенности приведет к серьезнейшим нарушениям права.

Не будь в российской правовой системе регистрационных действий – не потребовалось бы множества негативных по своей правовой природе исков, признаваемых практикой, в т. ч. и иска о признании регистрируемого договора прекратившимся.

Думается, само расширение в последнее десятилетие круга исков, направленных на опровержение субъективных прав, закрепленных в публичном реестре, обусловлено осознанием внутренней противоречивости реестровой регистрации (формального закрепления прав).

Несоответствие реестров фактическому положению дел и организации общества, возможность использования формальной регистрации для дискриминации экономически слабых субъектов, местных общин, особенно в развивающихся странах, становятся очевидными для современных исследователей, к числу которых относятся Бренна Бхандар (Brenna Bhandar) [22] и Раймонд Абдулай (Raymond Abdulai) [21]. Данное обстоятельство заставляет общество через судебную систему вырабатывать способы защиты гражданских прав, адекватные нарушениям.

Вместе с тем необходимость вторжения публичной власти в сферу, связанную с оборотом недвижимости, и прежде всего земельных участков, доказывается практикой функционирования в развивающихся странах «квазиформальной» системы (“quasi-formal” system) передачи прав на землю, в рамках которой местные чиновники регистрируют сделки с землей, не имея на то должных полномочий, исходя из общего авторитета власти (Сокбунтхоен Со [Sokbunthoeun So]) [23, pp. 136–160]. «В отсутствие независимой и профессиональной судебной системы, обеспечивающей равную защиту каждому, люди обращаются за помощью к влиятельным лицам, а не за официальной правовой защитой, – пишет Сокбунтхоен Со. – В этом отношении надежность владения зависит не столько от того, какой документ находится в руках правообладателя, сколько от того, с кем он связан и сколько денег или власти он может использовать в поддержку своих притязаний» [23, p. 160].

Обсуждая компетенцию властей на осуществление регистрационных действий, привилегии государства, связанные с землеустройством в самых различных национальных правовых порядках, а также их влияние на экономику, Клаус Дейнингер и Гершон Федер отмечают: «Уточнение ответственности и процедур для таких действий, а также создание прозрачных и гибких процессов обжалования может повысить надежность владения, земельных инвестиций и рыночных операций» [26, p. 237].

Авторы, размышляя о правовой системе, довольно точно характеризуют современную ситуацию взаимодействия российской государственной системы и предпринимательского общества: «Без институтов, обеспечивающих эффективную защиту прав собственности, подтверждаемых записями в реестрах, эти права могут существовать только на бумаге и иметь небольшую практическую ценность. Система регистрации земли может оказаться неэффективной ввиду отсутствия доступного и беспристрастного правосудия, позволяющего эффективно оспаривать действия государства, вследствие неэффективности государственных учреждений с частично совпадающими полномочиями, которые могут выдавать противоречивые документы в отношении одного и того же участка, а также из-за неясности и противоре-

(in particular, on the basis of Clause 2 of Article 609 of the RF Civil Code, a contract of lease concluded for one year or more shall be registered) and rights with accompanying encumbrances, - led to adopting atypical, combined ways of the protection of rights.

The approach of the Russian supreme body of economic justice, which particularly allowed for recognition of a registered contract as terminated, seems to us to be entirely consistent, since a direct reference in the act of official law interpretation to the possibility to recognize a right of obligation as missing or terminated would likely be perceived by judicial practice as an additional confirmation of its being approved or even as ‘encouragement’ to use the relevant claim as an effective way of the right protection having a social value. Meanwhile, the very opportunity to file a claim for recognition of the right of obligation as absent should be assessed very carefully by the courts, and the demands should be satisfied only when there are valid reasons to believe that the continuation of the legal uncertainty will lead to a serious infringement of right.

Should there be no registration actions in the Russian legal system, there would not have been so many claims having a negative legal nature and recognized by practice, including the claim for recognition of a registered contract as terminated.

It seems that the very extension in the last decade of the range of claims aimed at refuting the rights recorded in the public register is conditioned by the understanding of the internal inconsistency of recording in the register (formal securing of rights).

The conflict between the register records and the actual state of affairs, the organization of society, the possibility of using formal registration to discriminate against economically weak parties, local communities, especially in developing countries are becoming obvious to modern researchers, including Brenna Bhandar [22] and Raymond Abdulai [21]. This circumstance forces the society, through the judicial system, develop ways of protecting civil rights that are adequate to violations.

At the same time, the need for the intrusion of public authorities into the sphere related to the turnover of real estate, and first of all, of land plots, is proved by the practice of developing countries in applying the ‘quasi-formal’ system of transferring land rights, when local officials witness land transactions without having proper authorization for that, based on the general authority of the governing bodies (Sokbunthoeun So) [23, pp. 136-160]. According to Sokbunthoeun So, ‘In the absence of a neutral and professional judicial system that provides equal protection to every person, people seek help from powerful individuals rather than seek formal legal protection. In this regard, tenure security is not so much about what kind of ownership paper one retains but who one is connected to and how much money or power one can use in support of one’s claim’ [23, p. 160].

Discussing the powers of the authorities to carry out registration actions and the privileges of the state associated with land management in a variety of national legal systems, as well as their impact on the economy, Klaus Deininger and Gershon Feder note: ‘Clarifying responsibilities and procedures for such actions, and establishing transparent and agile processes for appeal, can increase tenure security, land-related investment, and market transactions’ [26, p. 237].

With regard to the legal system, the authors are rather accurate in their characterization of the current situation of interaction between the Russian state system and the business community: ‘Without institutions to enforce property rights effectively, the rights presumably protected by the land registry may exist only on paper and have little practical value. A land registration system can be rendered ineffective by the absence of a judiciary that is accessible and impartial for allowing actions by the state to be challenged effectively, by ineffective government institutions with overlapping mandates that may issue conflicting documents regarding the same plot, and by unclear and contradictory policies that make enforcement unpredictable and costly. In such situations, it would be difficult to rely on state-issued documents and

чий правовых практик, делающих принудительное исполнение непредсказуемым и дорогостоящим. В соответствующих юрисдикциях сложно полагаться на официальные, исходящие от государства документы, как следствие возникает неопределенность прав собственности, устранение которых и было первоочередной целью создания системы реестровых записей» [26, p. 238].

Многokrатно цитируемая в настоящей статье работа Дейнингера и Федерера «Регистрация земли, управление и развитие: фактические данные и последствия для политики», опубликованная не только в журнале «Научный обозреватель Всемирного банка» («The World Bank Research Observer»), при размещении на официальном сайте¹ названной организации в разделе «Документы Всемирного банка» («World Bank Document») содержит гриф «публичное раскрытие информации разрешено» («Public Disclosure Authorized»). Данное обстоятельство дает основание полагать, что национальные системы регистрационных действий находятся в поле пристального внимания мировых экономических структур, а сами системы регистрации и, особенно в развивающихся странах, должны испытывать обратное влияние международных организаций.

Регистрация – это осуществляемый по нормативно установленной процедуре органом или лицом, наделенными публичными полномочиями, юридический акт внесения в нелокальную и несекретную (как правило, открытую) официальную базу данных сведений о лицах и статусах, объектах и правах на них, а также юридически значимых действиях, призванную создать относительную правовую определенность для субъектов общественных отношений [3, с. 70].

В зависимости от связи с основополагающими институциональными конструкциями, характерными для частноправового регулирования, государственная регистрация может быть подразделена на: 1) регистрацию лиц и их статусов; 2) регистрацию объектов и связанных с ними прав; 3) регистрацию действий [6, с. 81].

Обширная практика административной деятельности в рамках государственной реги-

страции второго и третьего типов (т. е. регистрации объектов и связанных с ними прав, а также регистрации действий), которая неизбежно сопровождалась внесением в базы данных недостоверных сведений, стала толчком для рождения симметричной судебной практики и закрепления в актах официального толкования законодательства способов защиты прав, прямо не названных в законе. Если взглянуть на проблему под иным углом зрения, можно сказать так: в связи с регистрацией объектов, прав и действий в правоприменении превалирует широкое понимание ряда закрепленных в законе способов защиты гражданских прав.

Действительно, иски о признании права собственности отсутствующим (даже если исходить из того, что это вариация на тему негативного иска) и иски о признании договора прекратившимся – суть требования, ставшие реакцией практики на новую реальность, связанную с формированием законодателем новой, неизвестной в советский период системы регистрационных действий.

Создание системы регистрационных действий неизбежно должно было иметь следствием определение способов и оснований устранения возникающей в ней ошибок. Ни одна сложная система не застрахована от ошибок. Ошибка может быть и вовсе не связана с работой элементов самой системы (в данном случае – системы регистрации), а быть привнесенной из иных, гораздо более сложных, в т. ч. и саморазвивающихся систем, к числу которых относятся человеческие сообщества.

Поскольку устойчивость системы определяется не собственно ошибкой, а реакцией системы на ошибку, практика правоприменения и толкования права должна была выработать те способы защиты, которые прямо не названы в нормативных правовых актах. Существование регулятивных отношений, связанных с регистрацией прав и сделок, предопределило появление охранительных отношений, вызванных ненадлежащей регистрацией таковых или отражением объективно не соответствующей информации в публичных реестрах.

Непригодность, точнее, недостаточная пригодность проверенных историей «классических» исков для защиты прав, закрепленных в публичном реестре, осознавалась еще до при-

uncertainty of property rights, the elimination of which was the goal of setting up a registry system in the first place» [26, p. 238].

The scientific paper *Land Registration, Governance, and Development: Evidence and Implications for Policy* by Deininger and Feder, frequently cited in this article, published not only in *The World Bank Research Observer*, is marked ‘Public Disclosure Authorized’ in its version posted on the official website¹ of the above organization in section ‘World Bank Document’. This circumstance gives reason to believe that national systems of registration actions are in the field of close attention of world economic structures, and the registration systems themselves, especially those of developing countries, are supposed to experience a reverse influence of international organizations.

Registration is a legal act carried out under a legally established procedure by a body or a person having public authorities, a juridical act of adding to a non-local and non-secret (usually open) official database the information about persons and statuses, objects and rights to them, as well as legally significant actions, aimed at creating a relative legal certainty for the participant in social relations [3, p. 70].

Depending on the connection with the fundamental institutional structures typical for private law regulation, state registration can be grouped into: (1) registration of persons and their statuses; (2) registration of objects and related rights; (3) registration of actions [6, p. 81]

Extensive practice of administrative activities within the state registration of the second and third type (i.e. registration of objects and related rights, registration of actions), which was inevitably accompanied by entering false information into the database, triggered the occurrence of symmetric

judicial practice and enshrinement of the ways of protecting rights which were not explicitly provided by law in acts of official interpretation of law. If we look at the problem from a different angle, we can offer an opinion as follows: due to registration of objects, rights and actions, a broad understanding of a number of ways to protect civil rights enshrined in law prevails in law enforcement.

It is true that claims for recognition of property rights as absent (even if consider them to be a variation of the negative claim) and claims for recognition of a contract as terminated are claims that have become a reaction of the practice to the new reality, associated with the development of a new registration system, unknown in the Soviet period.

The development of a registration actions system should inevitably have resulted in the development of ways and grounds for eliminating errors occurring in it. No complex system is immune to errors. An error may not be related to the operation of the elements of the system itself (in this case, the registration system), but may be introduced from other, much more complex systems, including self-developing systems, including human communities.

Since the stability of a system is determined not by the error itself, but by the reaction of the system to the error, law enforcement and law interpretation were forced to develop such ways of protection that are not explicitly named in regulatory legal acts. The existence of regulatory relations associated with the registration of rights and transactions predetermined the occurrence of protective relations initiated by improper registration of such rights and transactions, or by the presentation of objectively inappropriate information in public registers.

The unsuitability, or rather, the insufficient suitability of the ‘classic’, historically proven, claims for protecting the rights enshrined in the public register, was realized even before the

¹ URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/pt/869031468150595587/pdf/767960JRN0WBRO00Box374387B00PUBLIC0.pdf>.

¹ Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/pt/869031468150595587/pdf/767960JRN0WBRO00Box374387B00PUBLIC0.pdf>.

нения актов официального толкования права. Так, А. В. Швабауэр даже вынесла на защиту следующее положение кандидатской диссертации: «Способы защиты права собственности, разработанные в римском праве, которое не знало регистрации прав на недвижимость, не пригодны для защиты права собственности, нарушенного неправильной записью в ЕГРП¹. Поэтому с введением в нашей стране регистрационной системы следовало предусмотреть адекватный способ защиты права, нарушенного записью в ЕГРП, а именно требование об исправлении записи в ЕГРП, в отношении которой отсутствует действительное правовое основание» [19, с. 8–9].

Обратим внимание, что автор оперирует категорией «исправление» применительно к реестровой записи. Как здесь не вспомнить о использовавшемся тогда в федеральном законодательстве термине «исправление кадастровой ошибки»? Соответствующая легальная категория была призвана обозначить механизм корректирования данных публичного реестра (кадастра), приведения их в соответствие с жизненными обстоятельствами.

По мнению А. В. Швабауэр, приведенный выше научный тезис следовало сделать имеющим практическую значимость через введение в закон, регулирующий отношения, связанные с регистрацией прав на недвижимость, следующего правила: «Лицо, права либо охраняемые законом интересы которого нарушены записью в ЕГРП, не имеющей действительно правового основания, может требовать исправления указанной записи путем погашения записи и (или) внесения записи, в отношении которой такое основание имеется. Ответчиком по настоящему требованию является лицо, запись о правах которого подлежит погашению либо внесению. Если недвижимое имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе требовать исправления записи в ЕГРП в случае, когда запись о праве собственности

погашена помимо воли собственника» [19, с. 10–11].

Таким образом, под «исправлением записи» в рассуждениях автора фактически скрывалось: 1) погашение в публичном реестре существующей («старой») записи; 2) внесение в публичный реестр новой записи.

Почему мы препарируем позицию А. В. Швабауэр, касающуюся способов защиты гражданских прав, зафиксированных в публичном реестре? Зачем разбираем составляющие «исправления записи» в нем?

Во-первых, мы имеем целью показать, что накануне принятия акта официального толкования права, позволившего признавать недействующим регистрируемый договор, наукой была осознана необходимость негативных исков для защиты реестровых прав. **Во-вторых**, считаем важным подчеркнуть, что применения негативного способа иногда недостаточно для приведения «расстроенного» общественного отношения в порядок. И тогда судебное решение должно содержать наряду с утверждением негативного плана некий тезис позитивного характера.

Иск о признании отсутствующим права собственности на часть земельного участка² или помещение в здании³ отсутствующим является основанием как для «аннулирования» существующей записи, так и для приведения данных об объектах гражданских прав в непротиворечивое состояние, в частности, для исправления данных о пространственных и юридических границах других объектов.

Раймонд Абдулай (Raymond Abdulai) называет пять элементов безопасности и определенности землепользования: 1) четкое определение земельных прав; 2) признание прав на

² Решение Арбитражного суда Свердловской области от 17.07.2018 по делу № А60-42574/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1c251dbd-5718-4c39-9507-6e418bf5be5a/3021c4ea-7acb-42e3-a30d-2ccb56cb7617/A60-42574-2017_20180720_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.02.2019 № Ф09-268/19 по делу № А60-42574/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/61d2c78b-d5c6-4542-8ea6-f1951cf5cddb/e447afde-eb31-4b6f-be45-63d6cb5b72d9/%D0%9056-41179-2015_20151224.pdf?isAddStamp=True; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.08.2016 № Ф07-6410/2016 по делу № А56-41179/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ ЕГРП – Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. С 1 января 2017 г. информация, размещенная в ЕГРП, интегрирована в структуру нового, большего по объему Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН).

the adoption of acts of official interpretation of law. For example, A.V. Shvabauer defended the following provision of her Candidate's dissertation: 'The ways of protecting property rights developed in the Roman law, which was not familiar with the registration of rights to real estate, are not suitable for protecting property rights infringed by an incorrect record in the USRPRT¹. Therefore, when the registration system was introduced in our country, the provisions should have been made for the adequate way of protecting a right infringed by a record in the USRPRT, namely the demand to correct the USRPRT record with no valid legal basis' [19, pp. 8-9].

Note that the author uses the category 'correction' in relation to the registry entry. We should remind here about the 'correction of a cadastral error' term, which was then used in federal legislation? The corresponding legal category was intended to indicate a mechanism for correcting data in the public register (cadaster), bringing it in line with the life circumstances.

According to A.V. Shvabauer, the above scientific thesis should have been given a practical significance by introducing the following rule into the law regulating relations concerning the registration of property rights: 'The person whose rights or legitimate interests were infringed by a USRPRT record with no valid legal basis has the right to demand the correction of the above record by cancelling the record and (or) making another record having valid legal basis. The defendant under this claim is a person whose record on rights is subject to cancellation or introduction. If the property was acquired on a reimbursable basis from a person who had no right to alienate it, and the purchaser did not know or should not have known about this (bona fide purchaser), then the owner has the right to demand the correction of the

USRPRT record in the case when the record of title was cancelled against the will of the owner' [19, pp. 10–11].

Thus, the 'correction of the record' in the author's reasoning actually implied: (1) cancellation of the existing ('old') record in the public register; (2) making a new record in the public register.

Why do we dissect the position of A. V. Shvabauer on the ways of protecting civil rights recorded in the public register? Why do we analyze the components of the 'record correction' in it?

First of all, our objective is to show that right before the adoption of the act of official interpretation of law that allowed for recognizing a registered contract as invalid, science realized the need for negative claims to protect registered rights. **Second**, we consider it important to emphasize that applying a negative way of protection is sometimes not enough to 'adjust' the 'upset' social relation. And then the court decision must contain, along with the approval of the negative plan, a certain thesis of a positive nature.

A claim for recognition of the right of ownership for a plot of land² or a room in a building³ as absent is the basis both for 'annulment' of the existing record and for bringing the data on civil rights objects into an uncontroversial form, in particular – for correcting the data on spatial and legal boundaries of other objects.

Raymond Abdulai identifies five elements of the land use safety and certainty: (1) a clear definition of land rights; (2) recognition of land rights

² Decision of the Commercial Court of the Sverdlovsk Region in case No. A60-42574/2017 of July 17, 2018. Available at: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1c251dbd-5718-4c39-9507-6e418bf5be5a/3021c4ea-7acb-42e3-a30d-2ccb56cb7617/A60-42574-2017_20180720_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Ruling of the Commercial Court of the Ural Circuit No. F09-268/19 in case No. A60-42574/2017 of February 21, 2019. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

³ Available at: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/61d2c78b-d5c6-4542-8ea6-f1951cf5cddb/e447afde-eb31-4b6f-be45-63d6cb5b72d9/%D0%9056-41179-2015_20151224.pdf?isAddStamp=True; Ruling of the Commercial Court of the North West Circuit No. F07-6410/2016 in case No. A56-41179/2015 of August 24, 2016. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

¹ USRPRT is the Unified State Register of Property Rights and Transactions. Since January 1, 2017, the information recorded in this USRPRT has been integrated into the structure of the new and larger Unified State Register of Immovable Property.

землю сообществом; 3) срок действия прав на землю; 4) четкие границы земель; 5) наличие учреждений, обеспечивающих соблюдение прав на землю [21, p. 19]. Автор пишет: «Точные и четко очерченные границы легче обеспечивать в правоприменительной практике и менее затратно защищать, поскольку они легко наблюдаемы другими членами сообщества. Однако, когда границы четко не определены или определены неточно, труднее обеспечить соблюдение прав собственности на землю и затраты на их защиту возрастают» [21, p. 18].

Автор, делая выводы на основе изучения закономерностей землепользования экономически отсталых стран, не говорит о возможности их распространения на все сообщества. Для каждого общества, в зависимости от уровня культурного и экономического развития, эффективным может оказаться различный правовой инструментарий.

Вопрос о пространственных границах недвижимости стал важнейшим критерием экономической эффективности системы регистрации: «Двумя ключевыми факторами, помимо связанных со стоимостью ведения реестров, являются требования к точности определения границ и применяемая методология регистрации, причем наиболее распространенными являются системы регистрации действий и титулов» [26, p. 243].

О системе регистрации действий (сделок) и титулов (прав) мы сказали выше. Здесь, заключая работу, отметим, что вопросы о пространственных границах рукотворной и нерукотворной недвижимости, способа их отражения в публичных актах являются актуальными не только с правовой, но и технической точек зрения. Он проходит этап нового осмысления после появления в публичных реестрах характеристик недвижимости по результатам представления на регистрацию трехмерных моделей сложных многоуровневых комплексов недвижимости, принадлежащих одновременно нескольким лицам, например, в нидерландских Делфте и Амстердаме [31].

Что касается российской правовой системы, в ней актуальность проблемы пространственных границ объекта недвижимости следует из существования множества судебных актов, где резолютивные части указывают на плоскостные характеристики – «поворотные

точки»¹ границ земельных участков в двухмерной (2D) системе координат нерукотворной недвижимости. Думается, довольно скоро (по мере реализации в реестровой практике трехмерной системы координат) те же вопросы возникнут относительно объемной (3D) рукотворной недвижимости, т. е. пространственных характеристик зданий и сооружений, их надземных и подземных параметров.

Исполнение соответствующих судебных решений требует надлежащего их осмысления органами, ведущими реестр. При этом попытки административных органов снять с себя ответственность, низвести компетенцию регистратора до уровня технического исполнителя, отвечающего исключительно за заполнение официальной базы данных, даже в те случаях, когда необходимость изменения реестра прямо отражена в судебном акте, должны встречать адекватную оценку со стороны суда. Указание на доступность вынесенного судом решения и отказ в разъяснении судебного акта², как видится, могут и, вероятно, должны быть основным направлением реагирования судов на молчаливое противодействие административных органов власти исполнению судебного решения, в т. ч. и на утверждения о его непонятности.

Анализ практики правоприменения и законотворчества демонстрирует, что в случае с отношениями охранительного типа судебная практика на основе широкого толкования существующих норм идет на шаг впереди законотворчества. При этом охранительные юридические нормы, призванные регулировать отношения-притязания, имеющие цель обеспечить более стабильное существование регулятивных отношений, часто формализуются в законе, будучи к моменту внесения изменений в закон широко применяемыми на практике.

¹ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ: от 23.11.2018 по делу № 308-ЭС18-10260, А63-6196/2016; от 02.10.2018 № 308-КГ18-6724 по делу № А15-4880/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.09.2018 № 4-АПГ18-17 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Арбитражного суда Свердловской области об отказе в разъяснении судебного акта от 24.05.2019 № А60-42574/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

by the community; (3) the duration of land rights; (4) clear land boundaries; (5) existence of institutions that enforce land rights [21, p. 19]. The author writes: 'Accurate and precise well-defined boundaries are easier to enforce and cost less to protect, as they are easily observable by other members of the community. However, when boundaries are not well defined or are poorly defined, it is more difficult to enforce property rights to land and costs more to protect' [21, p. 18].

While making conclusions on the basis of studying the regularities of land use in economically less developed countries, the author does not speak about the possibility of their extension to all communities. Each society may find different legal instruments effective, depending on the level of the society's cultural and economic development.

The question of spatial boundaries of real estate is the most important criterion for the economic efficiency of the registration system: 'The two key factors, in addition to the cost of maintaining registers, are the requirements for the accuracy of defining the boundaries and the registration methodology used, with the most common systems being the registration of actions and titles' [26, p. 243].

Above we spoke about the system of registration of actions (transactions) and titles (rights). Here, drawing conclusions for the work, we will note that the questions of spatial boundaries of man-made and non-man-made real estate, the way it is presented in public acts are relevant not only from a legal but also from a technical point of view. This question is undergoing the stage of new conceptualization after the introduction of new real estate characteristics in public registers based on the results of submission for registration of three-dimensional models of complex multi-level real estate complexes owned simultaneously by several persons, for example, in the Delft and Amsterdam (Netherlands) [31].

As for the Russian legal system, the relevance of the problem of spatial boundaries of real estate object follows from the existence of numerous judicial acts which contain planar characteristics in their operative parts – the 'turning

points'¹ of the land plot boundaries in the two-dimensional (2D) coordinate system of non-man-made real estate. Seemingly, soon enough (with the progression in implementing the three-dimensional coordinate system in the registry practice), the same questions will arise regarding three-dimensional (3D) man-made real estate, that is, regarding the spatial characteristics of buildings and structures, their aboveground and underground parameters. The enforcement of the relevant court decisions requires their proper consideration by the registry authorities. At the same time, the attempts of the administrative bodies to reduce their duties to the level of just a technical executor who is only liable for filling in the official database, even in cases where the need to change the register is directly stated in the judicial act, should be adequately assessed by the court. In our opinion, it is a reference to the availability of the court decision and the refusal to explain the judicial act² that can and probably should be the main direction of the courts' response to the tacit resistance of administrative authorities to execute the court decision, including to their statements on its incomprehensibility.

The analysis of the law enforcement and law-making practice shows that, with regard to protective relations, judicial practice based on a broad interpretation of existing norms is one step ahead of law making. Protective legal norms aimed at regulating claim-based relations that have the purpose of ensuring a more stable existence of regulatory relations are often legally formalized already being widely applied in practice by the time changes are introduced into the law.

¹ Ruling of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in cases No. 308-ES18-10260, A63-6196/2016 of November 23, 2018. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'; Ruling of the Judicial Collegium on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation in cases No. 308-KG18-6724 in case No. A15-4880/2015 of October 2, 2018. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'; Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-APG18-17 of September 19, 2018. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² Ruling of the Commercial Court of the Sverdlovsk Region on the Refusal to Explain Judicial Act No. A60-42574/2017 of May 24, 2019. Access from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

Библиографический список

1. Бевзенко Р. С. Регистрационный конструктор, или Как создать идеальную регистрационную систему? (К русскому переводу работы Р. Торренса) // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 202–225. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-202-225.
2. Богданова Е. Е. Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex russica (Русский закон). 2018. № 2 (135). С. 57–64.
3. Болдырев В. А. Понятие и частноправовое значение регистрационных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 70–78.
4. Болдырев В. А. Признание вещного права или обременения отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 70–81.
5. Болдырев В. А. Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 63–68.
6. Болдырев В. А. Система регистрационных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 79–86.
7. Бычков А. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 480 с.
8. Давидян С., Юдин А. Защита обманутых дольщиков // ЭЖ-Юрист. 2007. № 8 (463). С. 8.
9. Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с.
10. Карпов М. С. Применение мер оперативного воздействия при нарушении арендных обязательств // Комментарий судебно-арбитражной практики / под ред. В. Ф. Яковлева. М.: Юрид. лит., 2002. Вып. 9 С. 57–71.
11. Куранов В. Г. Юридически значимые сообщения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2020. 203 с.
12. Лантев В. А. Российские правовые обычаи в предпринимательстве // Право и экономика. 2016. № 2. С. 4–9.
13. Макарова Р. В. Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // Правоведение. 2018. № 2 (337). С. 362–381. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.206.
14. Севастьянова Ю. Возможные правовые последствия пандемии коронавируса для банков // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 2. С. 6–14.
15. Скловский К. И. Об условиях предъявления иска о признании права собственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. С. 38–47.
16. Соменков С. А. Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11. С. 85–91.
17. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 76–84.
18. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. Казань: Отечество, 2020. 415 с.
19. Швабауэр А. В. Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 30 с.
20. Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 361–372. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372.
21. Abdulai R. Is Land Title Registration the Answer to Insecure and Uncertain Property Rights in sub-Saharan Africa // RICS Research Paper Series, 2006. April. Vol. 6, № 6. 27 p.
22. Bhandar B. Possession, occupation and registration: recombinant ownership in the settler colony // Settler Colonial Studies. 2016. Vol. 6, Issue 2: Settler Colonial Logics and the Neoliberal Regime. Pp. 119–132.
23. Cambodia's Economic Transformation / ed. by C. Hughes and K. Un. Copenhagen, 2011. 385 p.
24. Carret J. R. Land Transfer. A Reply to Criticisms of the Torrens System // Harvard Law Review. 1893. April 25. Vol. 7, № 1. Pp. 24–31. (In Eng.).
25. Crowley J. H. The Torrens System // Marquette Law Review. 1922. Vol. 6, Issue 3. Pp. 114–121.
26. Deininger K., Feder G. Land Registration, Governance, and Development: Evidence and Implications for Policy // The World Bank Research Observer. 2009. August Vol. 24, № 2. Pp. 233–266.
27. McCall F. B. The Torrens System – After Thirty-Five Years // North Carolina Law Review. Vol. 10, № 4. Pp. 329–350.

References

1. Bevzenko R. S. Registratsionnyy konstruktor, ili Kak sozdat'ideal'nyu registratsionnyu sistemu? (K russkomu perevodu raboty R. Torrensa) [The Land Registration Toolkit, or How to Establish a Perfect Land Registration System (On the Russian Translation of the Work by R. Torrens)]. Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review. 2018. Issue 2. Pp. 202–225. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-202-225. (In Russ.).
2. Bogdanova E. E. Ponyatie i sodержanie prava kreditora na zashhitu [The Concept and Essence of the Creditor's Rights to Protection]. Lex Russica. 2018. Issue 2 (135). Pp. 57–64. (In Russ.).
3. Boldyrev V. A. Ponyatie i chastnopravovoe znachenie registratsionnykh deystviy [Concept and Private Law Importance of Registration Actions]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 1. Pp. 70–78. (In Russ.).
4. Boldyrev V. A. Priznanie veshhnogo prava ili obremeneniya otsutstvuyushhim v sisteme sposobov zashhity grazhdanskikh prav [Recognition of the Real Right or Encumbrance as Missing in the System of Ways to Protect Civil Rights]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. Issue 3. Pp. 70–81. (In Russ.).
5. Boldyrev V. A. Priznanie dogovora nezaklyuchennym kak sposob zashhity grazhdanskikh prav [Recognizing Contract as not Concluded as a Way of Protecting Civil Rights]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 4. Pp. 63–68. (In Russ.).
6. Boldyrev V. A. Sistema registratsionnykh deystviy [System of Registration Actions]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 6. Pp. 79–86. (In Russ.).
7. Bychkov A. I. Aktual'nye Problemy Sudbnogo Razbiratel'stva [Current Problems of Judicial Proceedings]. Moscow, 2016. 480 p. (In Russ.).
8. Davidyan S., Yudin A. Zashhita obmanutyykh dol'shnikov [Protection of Defrauded Homebuyers]. EZh-Yurist – EZh-Jurist. 2007. Issue 8. P. 8. (In Russ.).
9. Karpov M. S. Grazhdansko-pravovye меры operativnogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Civil Measures of Operational Impact: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 28 p. (In Russ.).
10. Karpov M. S. Primenenie mer operativnogo vozdeystviya pri narushenii arendnykh obyazatel'stv [The Application of Operational Measures in Breach of the Lease Obligation]. Kommentariy sudebno-arbitrazhnoy praktiki / pod red. V. F. Yakovleva [Commentary on the Commercial Court Practice; ed. by V. F. Yakovlev]. Moscow, 2002. Issue 9. Pp. 57–71. (In Russ.).
11. Kuranov V. G. Yuridicheski znachimye soobshheniya v rossiyskom grazhdanskom prave: dis... kand. jurid. nauk [Legally Significant Messages in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Perm, 2020. 203 p. (In Russ.).
12. Laptev V. A. Rossiyskie pravovye obychai v predprinimatel'stve [Russian Legal Practices in Business]. Pravo i ekonomika – Law and Economics. 2016. Issue 2. Pp. 4–9. (In Russ.).
13. Makarova R. V. Ponyatie sinallagmатической svyazi v prave Anglii i Rossii [The Concept of Synallagmatic Link According to the Law of England and Russia]. Pravovedenie. 2018. Issue 2 (337). Pp. 362–381. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.206. (In Russ.).
14. Sevast'yanova Yu. Vozmozhnye pravovye posledstviya pandemii koronavirusa dlya bankov [Possible Legal Consequences of the Coronavirus Pandemic for Banks]. Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii – Legal Work in a Credit Organization. 2020. Issue 2. Pp. 6–14. (In Russ.).
15. Sklovskiy K. I. Ob usloviyakh pred'yavleniya iska o priznanii prava sobstvennosti [On the Conditions for Filing an Action for Declaration of Ownership]. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii – Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2008. Issue 1. Pp. 38–47. (In Russ.).
16. Somenkov S. A. Institut odnostoronnego otказа ot ispolneniya dogovora v usloviyakh reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva [Concept of Unilateral Refusal to Execute a Contract in the Framework of Civil Legislation Reform]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2014. Issue 11. Pp. 85–91. (In Russ.).
17. Starovoytova A. S. Priznanie prava kak sposob zashhity obyazatel'stvennykh prav [Recognition of the Right as a Means of Property Rights Protection]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law. 2019. Issue 2(99). Pp. 76–84. (In Russ.).

28. Niblack W.C. Pivotal Points in the Torrens System // The Yale Law Journal. 1915. February. Vol. 24, № 4. Pp. 274-285.

29. O'Connor P. Double Indemnity – Title Insurance and the Torrens System // Queensland University of Technology Law and Justice Journal. 2003. June. Vol. 3, № 1. Pp. 141–167. DOI: 10.5204/qutlr.v3i1.123.

30. Patton R. G. The Torrens System of Land Title Registration // Minnesota Law Review. 1935. Issue 19. Pp. 519–535.

31. Stoter J., Ploeger H., Roes R., van der Riet E., Biljecki F., Ledoux H., Kok D., Kim S. Registration of Multi-Level Property Rights in 3D in The Netherlands: Two Cases and Next Steps in Further Implementation // International Journal of Geo-Information. 2017. Issue 6, Art. 158. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/ijgi6060158.

References

1. Bevzenko R. S. Registratsionnyy konstruktor, ili Kak sozdat'ideal'nuyu registratsionnyuyu sistemu? (K russkomu perevodu raboty R. Torrensa) [The Land Registration Toolkit, or How to Establish a Perfect Land Registration System (On the Russian Translation of the Work by R. Torrens)]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2018. Issue 2. Pp. 202–225. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-202-225. (In Russ.).

2. Bogdanova E. E. Ponyatie i sodержanie prava kreditora na zashhitu [The Concept and Essence of the Creditor's Rights to Protection]. *Lex Russica*. 2018. Issue 2 (135). Pp. 57–64. (In Russ.).

3. Boldyrev V. A. Ponyatie i chastnopravovoe znachenie registratsionnykh deystviy [Concept and Private Law Importance of Registration Actions]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 1. Pp. 70–78. (In Russ.).

4. Boldyrev V. A. Priznanie veshhnogo prava ili obremeneniya otsutstvuyushim v sisteme sposobov zashhity grazhdanskikh prav [Recognition of the Real Right or Encumbrance as Missing in the System of Ways to Protect Civil Rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. Issue 3. Pp. 70–81. (In Russ.).

5. Boldyrev V. A. Priznanie dogovora nezaklyuchennym kak sposob zashhity grazhdanskikh prav [Recognizing Contract as not Concluded as a Way of Protecting Civil Rights]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Expe-

rience, Analysis, Practice. 2018. Issue 4. Pp. 63–68. (In Russ.).

6. Boldyrev V. A. Sistema registratsionnykh deystviy [System of Registration Actions]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 6. Pp. 79–86. (In Russ.).

7. Bychkov A. I. Aktual'nye Problemy Sudebnogo Razbiratel'stva [Current Problems of Judicial Proceedings]. Moscow, 2016. 480 p. (In Russ.).

8. Davidyan S., Yudin A. Zashhita obmanutykh dol'shnikov [Protection of Defrauded Homebuyers]. *EZh-Yurist* – *EZh-Jurist*. 2007. Issue 8. P. 8. (In Russ.).

9. Karpov M. S. Grazhdansko-pravovye меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Civil Measures of Operational Impact: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 28 p. (In Russ.).

10. Karpov M. S. Primenenie мер оперативного воздействия при нарушении арендных обязательств [The Application of Operational Measures in Breach of the Lease Obligation]. *Kommentariy sudebno-arbitrazhnoy praktiki / pod red. V. F. Yakovleva* [Commentary on the Commercial Court Practice; ed. by V. F. Yakovlev]. Moscow, 2002. Issue 9. Pp. 57–71. (In Russ.).

11. Kuranov V. G. Yuridicheski znachimye soobshheniya v rossiyskom grazhdanskom prave: дис. ... канд. юрид. наук [Legally Significant Messages in Russian Civil Law: Cand. jurid. sci. diss.]. Perm, 2020. 203 p. (In Russ.).

12. Laptev V. A. Rossiyskie pravovye обычаи в предпринимательстве [Russian Legal Practices in Business]. *Pravo i ekonomika* – Law and Economics. 2016. Issue 2. Pp. 4–9. (In Russ.).

13. Makarova R. V. Ponyatie sinallagmатической связи в праве Англии и России [The Concept of Synallagmatic Link According to the Law of England and Russia]. *Pravovedenie*. 2018. Issue 2 (337). Pp. 362–381. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.206. (In Russ.).

14. Sevast'yanova Yu. Vozmozhnye pravovye posledstviya pandemii koronavirusa dlya bankov [Possible Legal Consequences of the Coronavirus Pandemic for Banks]. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii* – Legal Work in a Credit Organization. 2020. Issue 2. Pp. 6–14. (In Russ.).

15. Sklovskiy K. I. Ob usloviyakh pred'yavleniya iska o priznanii prava sobstvennosti [On the Conditions for Filing an Action for Declaration of

18. Transformatsiya i Tsifrovizatsiya Pravo-vogo Regulirovaniya Obshchestvennykh Otnosheniy v Sovremennykh Real'yakh i Usloviyakh Pandemii: kollektivnaya monografiya / pod red. I. V. Vorontsovoy [Transformation and Digitalization of Legal Regulation of Social Relations in the Present-Day Realities and Pandemic Conditions: collective monograph; ed. by I. V. Vorontsova]. Kazan, 2020. 415 p. (In Russ.).

19. Shvabauer A. V. Gosudarstvennaya registratsiya prav, obremeneniya prav i sdelok v grazhdanskom oborote nedvizhimogo imushchestva: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [State Registration of Rights, Encumbrances of Rights and Transactions in Civil Turnover of Real Estate: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 30 p. (In Russ.).

20. Shhennikova L. V. Ponyatie veshhnogo prava v argumentatsii rossiyskikh tsivilistov [The Notion of Right in Rem in Reasoning of Russian Civilists]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 37. Pp. 361–372. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372. (In Russ.).

21. Abdulai R. Is Land Title Registration the Answer to Insecure and Uncertain Property Rights in Sub-Saharan Africa. RICS Research Paper Series. April 2006. Vol. 6. Issue 6. 27 p. (In Eng.).

22. Bhandar B. Possession, Occupation and Registration: Recombinant Ownership in the Settler Colony. *Settler Colonial Studies*. 2016. Vol. 6. Issue 2: Settler Colonial Logics and the Neoliberal Regime. Pp. 119–132. (In Eng.).

23. Cambodia's Economic Transformation; ed. by C. Hughes and K. Un. Copenhagen, 2011. 385 p. (In Eng.).

24. Carret J. R. Land Transfer. A Reply to Criticisms of the Torrens System. *Harvard Law Review*. April 25, 1893. Vol. 7. Issue 1. Pp. 24–31. (In Eng.).

25. Crowley J. H. The Torrens System. *Marquette Law Review*. 1922. Vol. 6. Issue 3. Pp. 114–121. (In Eng.).

26. Deininger K., Feder G. Land Registration, Governance, and Development: Evidence and Implications for Policy. *The World Bank Research Observer*. August 2009. Vol. 24. Issue 2. Pp. 233–266. (In Eng.).

27. McCall F. B. The Torrens System – After Thirty-Five Years. *North Carolina Law Review*. 1932. Vol. 10. Issue 4. Pp. 329–350. (In Eng.).

28. Niblack W. C. Pivotal Points in the Torrens System. *The Yale Law Journal*. February 1915. Vol. 24. Issue 4. Pp. 274-285. (In Eng.).

29. O'Connor P. Double Indemnity – Title Insurance and the Torrens System. *Queensland University of Technology Law and Justice Journal*. June 2003. Vol. 3. Issue 1. Pp. 141-167. DOI: 10.5204/qutlr.v3i1.123. (In Eng.).

30. Patton R. G. The Torrens System of Land Title Registration. *Minnesota Law Review*. 1935. Issue 19. 2106. Pp. 519–535. (In Eng.).

31. Stoter J., Ploeger H., Roes R., van der Riet E., Biljecki F., Ledoux H., Kok D., Kim S. Registration of Multi-Level Property Rights in 3D in the Netherlands: Two Cases and Next Steps in Further Implementation. *International Journal of Geo-Information*. 2017. Issue 6. Article 158. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/ijgi6060158. (In Eng.).

References in Russian

1. Бевзенко Р. С. Регистрационный конструктор, или Как создать идеальную регистрационную систему? (К русскому переводу работы Р. Торренса) // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 202–225. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-202-225.

2. Богданова Е. Е. Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex russica (Русский закон). 2018. № 2 (135). С. 57–64.

3. Болдырев В. А. Понятие и частноправовое значение регистрационных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 70–78.

4. Болдырев В. А. Признание вещного права или обременения отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 70–81.

5. Болдырев В. А. Признание договора незаключенным как способ защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 63–68.

6. Болдырев В. А. Система регистрационных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 79–86.

7. Бычков А. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 480 с.

8. Давидян С., Юдин А. Защита обманутых дольщиков // ЭЖ-Юрист. 2007. № 8 (463). С. 8.

9. Карпов М. С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 28 с.

10. Карпов М. С. Применение мер оперативного воздействия при нарушении арендных обязательств // Комментарий судебно-арбитражной практики / под ред. В. Ф. Яковлева. М.: Юрид. лит., 2002. Вып. 9 С. 57–71.

Ownership]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* – Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation. 2008. Issue 1. Pp. 38–47. (In Russ.).

16. *Somenkov S. A. Institut odnostoronnego otказа ot ispolneniya dogovora v usloviyakh reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva* [Concept of Unilateral Refusal to Execute a Contract in the Framework of Civil Legislation Reform]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2014. Issue 11. Pp. 85–91. (In Russ.).

17. *Starovoytova A. S. Priznanie prava kak sposob zashchity obyazatel'stvennykh prav* [Recognition of the Right as a Means of Property Rights Protection]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* – Actual Problems of Russian Law. 2019. Issue 2(99). Pp. 76–84. (In Russ.).

18. *Transformatsiya i Tsifrovizatsiya Pravovogo Regulirovaniya Obshchestvennykh Otnosheniy v Sovremennykh Real'yakh i Usloviyakh Pandemii: kollektivnaya monografiya / pod red. I. V. Vorontsovoy* [Transformation and Digitalization of Legal Regulation of Social Relations in the Present-Day Realities and Pandemic Conditions: collective monograph; ed. by I. V. Vorontsova]. Kazan, 2020. 415 p. (In Russ.).

19. *Shvabauer A. V. Gosudarstvennaya registratsiya prav, obremeneniya prav i sdelok v grazhdanskom oborote nedvizhimogo imushchestva: avtor. ref. diss. ... kand. jurid. nauk* [State Registration of Rights, Encumbrances of Rights and Transactions in Civil Turnover of Real Estate: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 30 p. (In Russ.).

20. *Shhennikova L. V. Ponyatie veshhnogo prava v argumentatsii rossiyskikh tsivilistov* [The Notion of Right in Rem in Reasoning of Russian Civilists]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 37. Pp. 361–372. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372. (In Russ.).

Информация об авторе:

Болдырев В. А., доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016

21. *Abdulai R.* Is Land Title Registration the Answer to Insecure and Uncertain Property Rights in Sub-Saharan Africa. *RICS Research Paper Series*. April 2006. Vol. 6. Issue 6. 27 p. (In Eng.).

22. *Bhandar B.* Possession, Occupation and Registration: Recombinant Ownership in the Settler Colony. *Settler Colonial Studies*. 2016. Vol. 6. Issue 2: Settler Colonial Logics and the Neoliberal Regime. Pp. 119–132. (In Eng.).

23. *Cambodia's Economic Transformation*; ed. by C. Hughes and K. Un. Copenhagen, 2011. 385 p. (In Eng.).

24. *Carret J. R.* Land Transfer. A Reply to Criticisms of the Torrens System. *Harvard Law Review*. April 25, 1893. Vol. 7. Issue 1. Pp. 24–31. (In Eng.).

25. *Crowley J. H.* The Torrens System. *Marquette Law Review*. 1922. Vol. 6. Issue 3. Pp. 114–121. (In Eng.).

26. *Deininger K., Feder G.* Land Registration, Governance, and Development: Evidence and Implications for Policy. *The World Bank Research Observer*. August 2009. Vol. 24. Issue 2. Pp. 233–266. (In Eng.).

27. *McCall F. B.* The Torrens System – After Thirty-Five Years. *North Carolina Law Review*. 1932. Vol. 10. Issue 4. Pp. 329–350. (In Eng.).

28. *Niblack W. C.* Pivotal Points in the Torrens System. *The Yale Law Journal*. February 1915. Vol. 24. Issue 4. Pp. 274–285. (In Eng.).

29. *O'Connor P.* Double Indemnity – Title Insurance and the Torrens System. *Queensland University of Technology Law and Justice Journal*. June 2003. Vol. 3. Issue 1. Pp. 141–167. DOI: 10.5204/qutlr.v3i1.123. (In Eng.).

30. *Patton R. G.* The Torrens System of Land Title Registration. *Minnesota Law Review*. 1935. Issue 19. 2106. Pp. 519–535. (In Eng.).

31. *Stoter J., Ploeger H., Roes R., van der Riet E., Biljecki F., Ledoux H., Kok D., Kim S.* Registration of Multi-Level Property Rights in 3D in the Netherlands: Two Cases and Next Steps in Further Implementation. *International Journal of Geo-Information*. 2017. Issue 6. Article 158. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/ijgi6060158. (In Eng.).

About the author:

V. A. Boldyrev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016

11. *Куранов В. Г.* Юридически значимые сообщения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2020. 203 с.

12. *Лантев В. А.* Российские правовые обычаи в предпринимательстве // *Право и экономика*. 2016. № 2. С. 4–9.

13. *Макарова П. В.* Понятие синаллагматической связи в праве Англии и России // *Правоведение*. 2018. № 2 (337). С. 362–381. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.206.

14. *Севастьянова Ю.* Возможные правовые последствия пандемии коронавируса для банков // *Юридическая работа в кредитной организации*. 2020. № 2. С. 6–14.

15. *Скловский К. И.* Об условиях предъявления иска о признании права собственности // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2008. № 1. С. 38–47.

16. *Соменков С. А.* Институт одностороннего отказа от исполнения договора в условиях реформы гражданского законодательства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2014. № 11. С. 85–91.

17. *Старовойтова А. С.* Признание права как способ защиты обязательственных прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 2 (99). С. 76–84.

18. *Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой*. Казань: Отечество, 2020. 415 с.

19. *Швабауэр А. В.* Государственная регистрация прав, обременений прав и сделок в гражданском обороте недвижимого имущества: автор. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 30 с.

20. *Щенникова Л. В.* Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. Вып. 37. С. 361–372. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-361-372.

21. *Abdulai R.* Is Land Title Registration the Answer to Insecure and Uncertain Property Rights

in sub-Saharan Africa // *RICS Research Paper Series*, 2006. April. Vol. 6, № 6. 27 p.

22. *Bhandar B.* Possession, occupation and registration: recombinant ownership in the settler colony // *Settler Colonial Studies*. 2016. Vol. 6, Issue 2: Settler Colonial Logics and the Neoliberal Regime. Pp. 119–132.

23. *Cambodia's Economic Transformation* / ed. by C. Hughes and K. Un. Copenhagen, 2011. 385 p.

24. *Carret J. R.* Land Transfer. A Reply to Criticisms of the Torrens System // *Harvard Law Review*. 1893. April 25. Vol. 7, № 1. Pp. 24–31. (In Eng.).

25. *Crowley J. H.* The Torrens System // *Marquette Law Review*. 1922. Vol. 6, Issue 3. Pp. 114–121.

26. *Deininger K., Feder G.* Land Registration, Governance, and Development: Evidence and Implications for Policy // *The World Bank Research Observer*. 2009. August Vol. 24, № 2. Pp. 233–266.

27. *McCall F. B.* The Torrens System – After Thirty-Five Years // *North Carolina Law Review*. Vol. 10, № 4. Pp. 329–350.

28. *Niblack W. C.* Pivotal Points in the Torrens System // *The Yale Law Journal*. 1915. February. Vol. 24, № 4. Pp. 274–285.

29. *O'Connor P.* Double Indemnity – Title Insurance and the Torrens System // *Queensland University of Technology Law and Justice Journal*. 2003. June. Vol. 3, № 1. Pp. 141–167. DOI: 10.5204/qutlr.v3i1.123.

30. *Patton R. G.* The Torrens System of Land Title Registration // *Minnesota Law Review*. 1935. Issue 19. Pp. 519–535.

31. *Stoter J., Ploeger H., Roes R., van der Riet E., Biljecki F., Ledoux H., Kok D., Kim S.* Registration of Multi-Level Property Rights in 3D in The Netherlands: Two Cases and Next Steps in Further Implementation // *International Journal of Geo-Information*. 2017. Issue 6, Art. 158. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/ijgi6060158.

Информация об авторе:

Болдырев В. А., доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016